

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр ТАМОНИКОВ

ЛЖЕ-
ДМИТРИЙ

ЦАРСКАЯ ПЛАХА

Александр Тамоников
Дмитрий. Царская плаха

«ЭКСМО»

2018

Тамоников А. А.

Лжедмитрий. Царская плаха / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-099630-8

Начало XVII века. Смутное время. При странных обстоятельствах погибает последний прямой наследник рода Рюриковичей царевич Дмитрий. Умирает царь Федор Иоаннович. Начинают колебаться многолетние устои Российского государства. Западные правители жаждут прибрать к рукам богатые русские земли. За освободившийся московский престол разгорается настоящая война... Чудом спасшийся после кровавых событий в Угличе гонец Ондриюша Холодов встречает в Москве молодого человека, как две капли похожего на погибшего царевича Дмитрия. Что это – чудо или наваждение? Точно одно: грядут для Руси новые потрясения...

ISBN 978-5-04-099630-8

© Тамоников А. А., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Часть I. Гришка Отрепьев	6
Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	44
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Александр Тамоников

Лжедмитрий. Царская плаха

© Тамоников А.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть I. Гришка Отрепьев

Глава 1

Вот уже неделю на Москве трещали лютые морозы, каких не помнили даже старожилы. Повсюду по городу были выставлены бочки, в которых горели дрова, даруя прохожим и стрельцам, охранявшим порядок, тепло и свет. Борис Годунов с супругой Марией Григорьевной, отцом которой был знаменитый Малюта Скуратов, и дочерью Ксенией вышел из собора после молитвы, кутаясь в соболиную шубу.

Он усадил близких в повозку и приказал вознице:

– Поторопись, Степка!

– Да уж придется, Борис Федорович. Небо-то чернее тучи. Как бы вьюга колючая не налетела. Да и кони подзамерзли, хоть и не стояли на месте, – ответил тот.

– Много слов, Степан.

Годунов кивнул посадским, которые проходили мимо, признали в нем ближнего родственника царя Федора Ивановича и поклонились. Он сел в повозку напротив Марии и дочери.

– Стужа сильная. – Борис повел плечами. – Хорошо, что ветер слабый.

– Холодно, – согласилась Мария, – дома сейчас хорошо. Как ты чувствуешь себя?

– Ничего, слава богу!

– Отлежаться бы тебе.

– Отлежусь, когда можно будет.

– Не жалеешь ты себя.

– Не то время, Маша, и тебе это ведомо.

Мария вздохнула и сказала:

– Как бы беде большой не быть. Слишком уж высоко задумал ты подняться. А это многим не по нраву, Борис, имеющим силу и на Москве, и по всей России.

– Но главная сила – царь Федор – все же за мной! И давай, Мария, закончим этот разговор. Не след жене в дела мужа лезть.

– А на плаху идти вместе след?

– Да что ты завелась? Помолчи, мне подумать надо.

– Ох уж мне эти думы. – Мария Григорьевна замолчала, прижала к себе восьмилетнюю дочь.

Повозка шла ходко и вскоре остановилась у парадного крыльца богатого дома семьи Годуновых.

Борис отпустил возницу, с семьей поднялся в дом, там скинул шубу и шапку на руки слуге, расстался с женой и дочерью и прошел в малую залу, где обычно принимал людей знакомых, нужных. Там он присел в деревянное кресло, похожее на трон, сделанное по его заказу владимирскими мастерами. Годунов любил это кресло, удобное, высокое, позволяющее чувствовать свою значимость, глядеть на гостей прямым взором, а не снизу вверх.

Когда Борис садился в это кресло, он чаще всего думал о настоящем троне, престоле государя всея Руси. Все его мысли были о том, как стать таковым.

Годунов спешил домой не только потому, что на улице стояла стужа, мороз пробивался даже под полы и в рукава шубы, кусал лицо. Сегодня ему предстояло заняться одним неотложным делом. Формальным правителем России был царь Федор Иванович, сын Ивана Грозного, муж Ирины, родной сестры Годунова. Фактически же вся власть принадлежала Борису.

Дел у него было много. Но это являлось особенным. От него во многом зависела дальнейшая судьба Годунова, мечтавшего воплотить в жизнь свои поистине грандиозные планы.

За окном закружилась метель. Она подвывала голодной волчьей стаей, навевала невеселые думы. Годунову с утра недужилось, оттого и не было настроения. Временами тревога вдруг сжимала грудь ледяным обручем, обрывалась где-то внизу живота противной, ноющей, тупой болью. Отчего это?

Не оттого ли, что ночью Борису привиделся кошмарный сон. Иван Грозный восстал из могилы и грозил ему монашеским посохом. Его синюшные губы извергали проклятия. Годунов проснулся в холодном липком поту, крестился, отгоняя видение. Иван испугал его и исчез.

Или он был не в себе оттого, что той же ночью, ближе к утру тело пробил озноб, сменившийся жаром, заставлявшим то укрываться одеялом с головой, то сбрасывать его? Простудная хворь, пришедшая в столичный град с морозами и валившая с ног множество народа, добралась и до него. Борис болел редко, сильно и недолго. Бывало, с утра он чувствовал себя хорошо, к обеду появлялись слабость, усталость, вечером же его укладывал в постель жар. Ночь мучительна и бессонна, а после короткого предутреннего затишья хвори будто бы и не было.

Так вышло и теперь. К утру озноб и жар ушли, остались только легкая слабость, плохое настроение да головная боль. Еще это беспокоящее чувство тревоги.

Но ее причина могла скрываться в другом. В том самом деле, которое предстояло сделать.

Борис согрелся, приказал принести вина, выпил чарку, и ему стало лучше, покойнее. Хорошее вино греет душу, если в меру. Оно же превращает человека в скотину, коли позволить ему замутить рассудок до беспамятства.

Годунов вздохнул и проговорил:

– Если в меру! Всему надо знать меру. Вот только многим ли ведомо, какова она? Где ее границы, где та черта, до которой можно, за которой нельзя? Очень не многим.

Годуновым завладели размышления. Тот факт, что смены настроения стали охватывать его чаще и сильнее, он заметил недавно. Отец зашел в детскую к дочери Ксении. Он намеревался просто поговорить с ней, приласкать добрым, увидел беспорядок на столе и накричал на нее. Да так, что девочка испугалась, забилась в угол возле печи, заплакала, закрыла ладонями красивое лицо.

Борису надо было бы пожалеть ее, свою маленькую, беззащитную кровинушку. Но гнев, взорвавший его совершенно неожиданно, одержал верх. Он разбросал по полу детские рисунки и ушел, оставил дочь в незаслуженной обиде, недоумении и слезах. В большой зале Годунов остепенился, успокоился. Ярость улеглась так же внезапно, как и появилась.

Он осознал неправоту своего поступка, хотел вернуться к дочери, попросить прощения, но с ней уже была мать. Да и как отец объяснил бы ей свою беспричинную ярость? Слепой любовью? Хороша любовь, которая проявляется вот так.

Мария, конечно, заметила изменения в муже. Но что она могла поделать, когда сам Борис не справлялся с этой бедой? Если только посоветовать ему обратиться к лекарям, не иноземным, которые сготовили бы кучу разных пузырьков, содержимое которых смердит как разлагающийся труп, а к своим, местным, что по старинке делают отвары из трав да ягод. Но разве он послушает ее?

Борис последнее время слушал только себя и прекрасно знал, как легко лечебные отвары превращаются в смертельную отраву. Он сам был грешен в подобном, желал бы забыть это, да не получалось.

Трудна дорога к власти. Не всякому дано одолеть ее, переступить через то, что отрезает все пути назад.

Борис смог преодолеть себя, выбрал путь пусть подлый, грешный, но верный, который должен привести к цели. Или к плахе.

В коридоре слышались шаги. Прислуга могла пропустить в дом только тех, кого ей было приказано. Значит, пришли те люди, которых так ждал Годунов.

Дверь в залу открылась, появился окольничий Клешнин Андрей Петрович.

– Дозволь войти, Борис Федорович?

– Входи.

Клешнин прошел в залу, повернулся к красному углу, к иконостасу, трижды перекрестился, прошептал короткую молитву, предстал перед Годуновым и доложил:

– Я нашел нужного тебе человека, Борис Федорович.

– Кто он?

– Дьяк Михайло Битяговский.

– Битяговский? – Борис погладил бороду, вспоминая.

У него была хорошая память на лица и имена даже тех людей, с которыми он общался лишь однажды.

– Это не тот, что был в Казани при воеводе Булгакове?

– Он самый, ныне служащий в Разрядном приказе.

– Почему ты выбрал его, а не кого-то другого?

– Да потому, что Битяговский как никто другой подходит для той миссии, которую уготовил ему ты.

– Ты уверен, что дьяк не подведет?

– Да, уверен.

– А готов ли ты, Андрей Петрович, голову на этом положить?

– Готов, Борис Федорович.

– Смело, но опрометчиво. Не след поручаться за постороннего человека, будь он хоть трижды верен и надежен. Так и жизни лишиться недолго. Коварству людей нет границ. Тот, кто сегодня любезно наливает в твою чашу веселящего вина, клянется тебе в вечной и верной дружбе, завтра может с ухмылкой вонзить в спину клинок.

Клешнин подумал, что Борис мерит по себе, но сказал, естественно, совершенно другое:

– Что стоит жизнь, боярин, в наше смутное время? Если я чего и страшусь, то не смерти.

– Чего же? – спросил Годунов.

– Немилости твоей!

– Моей немилости? – Борис изобразил удивление. – А что она значит? Тоже ничего. Государством с Божьей помощью правит царь Федор Иванович. Только он раздает милости или накладывает опалу. Я всего лишь его верный слуга.

– Ты будущий царь, Борис Федорович. Об этом не только бояре да князья меж собой говорят. Да и кому еще править на Руси после царя Федора, как не тебе?

– Хватит о пустом речи вести. Что будет, только Господь ведает, а не бояре да князья. На слухи же обращать внимание не след. Недостойно это, – заявил Борис.

Однако слова Клешнина явно пришлись ему по душе. Он не верил никому, в том числе и этому окольничему. Но лесть приятна. Доброе слово и животина приемлет даже от того, кто уже приготовил острый нож, дабы убить ее.

Годунов вновь смерил Клешнина пронзительным взглядом.

– От души ли говоришь, Андрей?

– От души, Борис Федорович, вот те крест. – Окольничий перекрестился.

– Добро! Где этот дьяк?

– Как и было уговорено, я привел его сюда. Он ждет.

– Зови! Посмотрю, кого ты выбрал.

– Да, Борис Федорович.

Клешнин ввел в залу крупного мужчину с простецким лицом, жестокими хищными глазами, в одежде зажиточного посадского.

- Долгих лет тебе, боярин. – Дьяк поклонился в пояс.
- «А такой, пожалуй, на все пойдет, коли знать будет свою выгоду».
- И тебе долгих лет. Назовись!

Гость представился, хотя в этом не было особой необходимости. Так наказал ему Клешнин.

Годунову пришлось по душе, что дьяк не тушуетя, сосредоточен, спокоен. В нем чувствуется сила. Злая.

- Подойди, дьяк, ближе, сядь на лавку. Разговор у меня к тебе серьезный и тайный!
- Слушаюсь, боярин. – Битяговский сел на лавку, положил руки на колени, поднял голову.

Он приготовился слушать влиятельного боярина, близость к которому сулила ему большие выгоды или лютую смерть. Но это как Господу угодно. Все в руках Божьих. Коли быть беде, от нее нигде не спрячешься. От судьбы своей еще никто не уходил. Дьяк выбрал службу могущественному боярину.

- Оставить вас наедине, Борис Федорович? – спросил Клешнин.

Годунов усмехнулся. Да, человек догадливый и хитрый. Зачем ему знать то, от чего пострадать можно?

- Да, Андрей Петрович, езжай к себе, время позднее. Благодарю тебя.
- Рад служить, Борис Федорович. До свидания.
- До свидания.

Клешнин покинул залу.

Борис повернулся к Битяговскому и спросил:

- Что тебе ведомо о Нагих?
- Это о царице Марии Федоровне?

Годунов повысил голос:

- О ком? Царица наша – Ирина Федоровна, моя родная сестра.
- Она вдовая, боярин, царица. Всем ведомо, что Мария Федоровна – шестая жена Ивана Четвертого, а посему брак этот не признан церковью. Она незаконная, но царица. В народе ее таковой и зовут. Мария Федоровна – племянница Афанасия Нагого, что был весьма близок к Ивану Васильевичу. После смерти Ивана Грозного царь Федор повелел удалить Марию Федоровну с братьями, сыном, царевичем Дмитрием, ближними боярами на житье в Углич. Царевич Дмитрий...

– Не зли меня, дьяк! – прервал Битяговского Борис. – Не называй Марию царицею, а Дмитрия – царевичем. Он рожден незаконно и не может быть наследником престола.

- Извини, боярин.
- Борис сменил гнев на милость.
- Ладно, дьяк, продолжай!
- В Угличе у Нагих удел. Там с Марией Федоровной братья ее Михаил и Григорий, челядь. Для них построен дворец в Кремле. Живут, ни в чем не нуждаясь. Обижены они на тебя.

- О чем ты?
- Люди говорят, что Мария Федоровна весьма недовольна тем, что ты не позволил ей быть на коронации Федора Ивановича. Недовольна она и тем, что царь Федор Иванович не называет Дмитрия своим братом.
- И во всем виноват я?
- Так люди говорят.
- Это все исходит из Углича. Государством правит царь Федор Иванович законнорожденный сын Иона Грозного. Не я принимаю решения, а он.

– Людям этого не объяснишь. Уже здесь, на Москве, я услышал историю об Ирине Ивановне Мстиславской, дочери князя Ивана Федоровича, последней из рода Рюриковичей.

Годунов насторожился.

– Что за история?

– Иван Грозный в своем завещании будто бы назначил Ирину женой нынешнего царя Федора Ивановича, коли у того в первом браке не народятся дети. В год же, когда помер князь Мстиславский, Ирина, знающая о том, что может стать царицей, вдруг ушла в монастырь.

– И что в этом странного? У нас знатные женщины постригаются в монахини.

– Да, ничего. Однако в народе говорят, что Ирина Ивановна ушла в монастырь не по своей воле.

– Опять я заставил?

– Не гневайся, боярин. Люди говорят, будто ты, оберегая брак сестры с царем Федором, чуть ли не выкрал Ирину из дома отца и насильно заставил ее постричься в монахини. Она все же соперница твоей сестры. У той нет детей. Еще Иван Васильевич Грозный настаивал на том, чтобы Федор развелся с ней и взял в жены другую девицу, способную произвести на свет божий наследника.

Эти слова были очень неприятны Борису, но в них была правда. Не вся, конечно. Всего сейчас не знал никто.

– А ты неплохо осведомлен, дьяк, – прищурившись и глядя в упор на Битяговского, проговорил Годунов.

– Ответы на твои вопросы, боярин, знают многие люди.

Борис прошелся по зале, повернулся к Битяговскому.

– Ты сейчас наверняка думаешь, с чего это вдруг я позвал тебя и завел этот разговор, да?

– Твоя правда, боярин.

Борис подошел вплотную к дьяку и прошептал:

– А завел я этот разговор с тобой потому, что нужен ты мне для весьма серьезного дела.

– Я слушаю тебя.

– Слушай, дьяк, только наперво запомни, что коли кто узнает о нашем разговоре, то не сносить тебе головы. Ты ведь знаешь, что Борис Годунов слов на ветер не бросает.

– Знаю, боярин. – Битяговский почувствовал холод внутри.

– Я не из-за пустого интереса завел с тобой разговор о Нагих. Да, Дмитрий Угличский рожден в незаконном браке, но он родной сын Ивана Грозного, значит, прав на наследство не потерял. Все мы в руках Божьих. Только Он ведает, сколько лет кому отведено на этом свете. Коли что случится с Федором Ивановичем, то Нагие непременно станут выдвигать претензии на престол. В народе Дмитрия воспринимают как наследника. Одно имя Ивана Грозного, отца его, может привлечь к нему бояр, которые пострадали при царствовании Федора. Но отдавать престол я не собираюсь никому.

Дьяк с немалым удивлением и страхом посмотрел на Годунова.

– Но ведь ныне царь, как ты сам сказал, Федор Иоаннович. Престол под ним.

Годунов неожиданно рассмеялся, отошел от дьяка и проговорил:

– Федор правит государством? Да он без меня и шага ступить не может. Правитель – я. Федор, конечно, царь, но зависимый, послушный. Он слаб. Не будь меня и его давно не было бы. Ты слушаешь свою жену?

– Вот еще! Бабе не след лезть в мужские дела. Ее удел – во всем подчиняться мужу.

– Правильные слова. А вот Федор Иванович жену свою слушает, любую ее прихоть исполняет. Оттого я при власти и не отдам ее никому.

– А коли у царя и царицы родится наследник?

– Столько лет не было, а сейчас народится?

– Все может быть. Господь способен наделить своей милостью царицу Ирину.

Годунов покачал головой.

– У Ивана Васильевича сколько детей народилось? Всех и не назовешь. А остался кто? Слабый здоровьем, безвольный Федор да незаконный восьмилетний Дмитрий. Где остальные? Господь прибрал. Мне продолжать?

Битяговский, которого неожиданно пробил дрожь, прошептал:

– Нет!

– Вижу, Клешнин не ошибся. А теперь давай откровенно, дьяк. На Руси царем после Федора буду я. Ты же должен помочь мне в этом.

– Как, боярин?

– Поедешь в Углич...

– С какой целью?

Годунов повысил голос:

– Не перебивай!

– Да, боярин, прости.

– Возьмешь с собой надежных, верных людей. Получишь царскую грамоту с неограниченными полномочиями. Ты должен смотреть за настроениями Нагих, за Дмитрием и, если понадобится, сделать так, чтобы его не стало.

– Как? – воскликнул Битяговский. – Ты хочешь, чтобы я взял на себя смертный грех?

– Нет, дьяк. Тебе не потребуется лично устранять Дмитрия. Надобно подобрать людишек, способных это сделать, держать их при дворе Нагих. Когда потребуется, они сделают то, что надо. Все грехи лягут на меня. Ведь это я задумал убрать Дмитрия, коли потребуется.

– Боюсь, не смогу, боярин.

Годунов вновь подошел вплотную к Битяговскому.

– У тебя, Михайло, есть выбор. Ты делаешь то, что нужно мне, либо твоя жена уже завтра будет рыдать над твоим гробом.

– А Клешнин Андрей Петрович знал, что ты мне предложишь?

– Нет! Об этом известно только тебе и мне. Откажешься, подпишешь себе приговор. Я не могу допустить, чтобы эти замыслы вышли за пределы моего дома. согласишься – узнаешь, что такое настоящая милость, когда я стану царем. Ты можешь рассчитывать на нее. Власть государя безгранична. Он может из любого худородного мужика сделать боярина, князя, наделить землями, одарить богатством. Так каков твой выбор, дьяк?

– Я согласен!

Годунов усмехнулся.

– Еще бы. Я не встречал ни одного человека, который добровольно взошел бы на плаху. Таких просто нет. А теперь о деле. Итак, ты должен приблизить к себе людей из Углича, которым придется... ну ты понял. Можешь взять таковых с собой из Москвы.

– Я найду нужных людей здесь. Проще, конечно, это было бы сделать в Казани или во Владимире, но и в Первопрестольной найдутся те, кто желает заполучить богатства и милость. Они должны знать, что им придется делать...

– Нет! Об этом пока никто знать не должен. Когда придет черед, ты получишь мой указ и откроешься тому человеку, кого выберешь исполнителем.

– Но он позже может раскрыть тайну.

– Да, может. А посему от него придется избавиться. Так что подбирай человека, которого будет не жаль.

– Я все понял, боярин!

– Ты сейчас подумал, а не избавится ли коварный боярин и будущий царь от тебя. Не бойся, Михайло. Мне надежные люди будут нужны и после вступления на престол. Найти их не просто. Это врагов нажать легко. Друзей, единомышленников надобно беречь, ибо в них опора государя. Выбрось из головы плохие мысли.

– Я верю тебе, боярин, – сказал Битяговский. – Другого выхода у меня нет, – невольно проговорился он.

– Ничего, Михайло. Наступит время, когда ты будешь сидеть в роскошных палатах своего большого каменного дома, окруженный слугами и любящей семьей, и вспоминать этот день как самый счастливый в своей жизни. Да, дело тебе предстоит непростое, но цель оправдывает средства. Главное в жизни человека – цель, которую он стремится достичь любой ценой. Тогда у него появляются силы.

– Ты прав, боярин, – сказал Битяговский и расправил плечи, что не прошло мимо внимания Бориса.

Этот незаурядный мастер интриг мог видеть дальше других, опережать события и принимать верные решения. Годунов понял, что Битяговский не подведет. Да, на дыбе он молчать не станет, но что сможет сказать? Мол, Годунов готов убить ребенка, дабы взойти на престол, заполучить верховную власть? Но ведь она и сейчас в его руках. Иван Васильевич Грозный умер шесть лет назад. С тех самых пор Борис и правит государством. Так будет и далее. Но пора ему стать царем, самодержцем. Быть всесильным, но вторым – это не для Годунова. Так кто посмеет упрекнуть его в заговоре? Царь Федор не даст боярам выступить против него. Он, как мальчишка, до сих пор влюблен в Ирину. При полной поддержке царя, а значит и церкви, Борис сам обезопасит себя. Так что Битяговский вполне подходит.

Дьяк молчал, пока Годунов, занятый размышлениями, ходил по зале.

Борис остановился, повернулся к Битяговскому.

– Что ты сказал, дьяк?

– Я сказал, что ты прав, боярин!

– Да, я прав, Михайло, как и всегда. Ты хочешь что-то спросить?

– Когда мне следует быть в Угличе?

– Чем быстрее, тем лучше. Но если для подбора нужных людей потребуется время, то не торопись.

– Я готов уже сейчас сказать, кого хотел бы взять с собой.

– Да? Интересно. Говори.

– Супругу с сыном Даниилом, племянника Никиту Качалова.

– Все?

– Да.

– Андрей Петрович Клешнин сделал правильный выбор. Семья, это хорошо. Родственники не выдадут, особенно если знать ничего не будут. Я одобряю твой выбор, Михайло, и, заметь, делаю это едва ли не первый раз в жизни. Не припомню, когда вот так, с ходу, соглашался с кем-либо.

– Я ценю это, боярин.

Годунов присел в кресло.

– Значит так, Михайло. Ты едешь в Углич по прямому указанию царя Федора. Грамоту получишь завтра же. В ней будет указано, что цель твоей миссии в Угличе – в первую голову надзор за тем, как исполняется воля царя. Ведь Федор отправил Нагих не в ссылку. Им был дан удел. По грамоте ты являешься оберегателем всех прав Дмитрия. Этим покажешь, что все слухи о том, что Федор не признает брата, пусты и беспочвенны. Государь не забыл Дмитрия и желает ему благоденствия. Ты явишься как защитник царевича от всех бед, которые могут грозить ему. Я делал тебе замечание по поводу слова «царевич», но в Угличе ты должен обращаться к Дмитрию только так, держаться с ним ласково. А вот по отношению к Нагим, особенно к Марии Федоровне, проявляй строгость. Проверь их доходы. Недавно Мария Нагая заявила, что царь Федор, а вернее я, Борис Годунов, уменьшает средства, которые выделяются в Углич из казны. Проверь и это. Вывод должен быть однозначным – Нагие получают больше, чем им требуется. Докладывай мне о том, что Мария Федоровна прилюдно говорит, будто

Дмитрий болен падучей немощью из-за порчи, напущенной на него кем-то из ближнего окружения царя Федора. Нагие пытаются привлечь к себе темных личностей, недовольных царем, готовят заговор. В общем, Михайло, ты должен высылать мне донесения, порочащие Марию Нагую и ее родственников. Они плохо заботятся о Дмитриии, не лечат его. Это будет неправдой, но нужной нам. Вступай с Нагими в ссоры, открыто высказывай им упреки...

– Но подобное поведение бросит тень и на тебя, боярин.

Борис поморщился.

– Не люблю, дьяк, когда кто-то перебивает меня. Не след делать это. У тебя будет время спросить.

– Еще раз прости, боярин.

– Ладно, Михайло. Я отвечу тебе. Какие претензии могут возникнуть у Нагих ко мне, если в Углич тебя отправляет сам царь Федор с намерением защитить законные интересы брата? Донесения ты будешь отсылать с гонцом к царю Федору. Как они попадут ко мне, не твоя забота. Никто не узнает о нашем с тобой сговоре. Смотри сам не допусти ошибки. Жене твоей надо будет войти в приятельские отношения с мамкой Дмитрия Василисой Волоховой, кормилицей Ариной Тучковой, постельницей Марией Колобовой. Насколько мне известно, Дмитрий часто играет с сыновьями Тучковой и Колобовой. Сыну твоему и племяннику надобно быть при дворе Нагих, подружиться там с Осипом, сыном Василисы Волоховой. Твои родные должны относиться к Нагим дружественно. Ты меня понял?

– Да, боярин!

– А вот теперь можешь спрашивать.

– У меня вот какой вопрос, боярин. Выполняя твой наказ, я попаду в немилость не только к Марии Федоровне. Это не страшно. Против меня выступят и ее братья, Михаил и Григорий...

– Не посмеют! Мария Федоровна, та да, молчать не будет, а вот братьям выступать против воли царя резону нет. За это можно и головой поплатиться. Конечно, приязни от них не жди, только пакостей, но мелких. Да, они готовы будут разорвать тебя на куски, как сделали бы и со мной, однако открыто против воли царя не выступят. Ты будешь защищен царской грамотой. Не обращай на них особого внимания.

Битяговский кивнул. Он все понял и не имел никакой возможности отказать Борису. Дьяк знал, что коли тот обещал казнить его, то так и сделает, и согласился со всем.

Углич жил своей провинциальной жизнью. Переезд сюда Нагих воспринимался горожанами положительно, даже с гордостью. Как же!.. Рядом с ними жил сын самого Ивана Грозного, заступника за народ, истребителя изменников-бояр. Люди часто приходили в Кремль, чтобы посмотреть на сына Ивана Грозного. В глазах большинства жителей Углича он являлся будущим русским царем, наследником знаменитого отца.

В один февральский воскресный день после обедни в Кремль забрели Еремей Коренев и Федор Табанов. Они занимались ловлей, копчением и продажей рыбы, которой изобилвала Волга, кормившая не только жителей Углича. Поначалу кумовья хотели пойти в кабак, но до Кремля было ближе, туда они и подались. Погода стояла хорошая, холода отступили, светило солнце, в лучах которого красовались сугробы снега. Погода как раз для мальчишечьих забав.

Кумовьям хотелось посмотреть на царевича. До того Дмитрия видел только Федор.

Их надежды оправдались. Дмитрий и еще трое мальчиков его возраста или немного постарше вовсю резвились во дворе дворца. Стража остановила кумовьев недалеко от них, но уйти не потребовала, наказала не подходить к царевичу.

Мальчишки лепили снеговиков, двух уже сделали, принялись за третьего. Рядом с ними держались женщины и брат царицы Михаил Федорович в распахнутой шубе.

Верховодил, конечно же, Дмитрий:

– Петруха, кати свой ком к моему! Гришка, ступай к нам. Бажен, ставь голову да морковь не забудь с углями.

– Этот шустрый, что начальствует, Дмитрий? – спросил Коренев.

– Он и есть, – ответил кум.

– Гляди, мал еще, а распоряжается.

– На то он и царевич.

– Смотрю, Михайло Федорович уже приложился к чарке, шуба нараспашку, шапка набок, лицо раскраснелось, как от мороза.

Табанов усмехнулся.

– Скажешь тоже, к чарке. Да в нем этих чарок с десяток, не меньше. Он пьет не ими, а ковшами.

– Ты-то откуда знаешь?

– Знающие люди говорят.

– Люди наговорят. Хотя сейчас заметно, что пьян он изрядно. А братец его Григорий Федорович вроде как не ахти потребляет вино?

– Да, почти не пьет.

– А царевич молодец, ловко у него все получается. Только вот слышал я, будто падучая хворь его нередко валит.

– Молва идет, будто хворь эту на царевича ведуны наводят по приказу Бориса Годунова.

– Ему-то зачем?

– Как зачем? Царь Федор слабый да болезный, детей у него нет, зато жена Ирина – сестра Бориса. Тот метит престол заполучить, коли преставится Федор Иванович и не будет наследника по крови. А вон он, царевич Дмитрий.

– Ты намекаешь, что Годунов хочет извести Дмитрия?

– Я, Ерема, ни на что не намекаю. Говорю, что от людей слышал. Да и Катерина моя дружится с Ариной Тучковой, кормилицей Дмитрия.

– Это с той, что у крыльца стоит?

– С той самой, понятно дело. Рядом с ней мамка царевича Василиса Волохова да постельница Мария Колобова. С Дмитрием Петруша Колобов, Бажен Тучков, Гришка Козловский.

Коренев сдвинул шапку на затылок и спросил:

– А Катерина твоя не говорила, что за люди при дворе Марии Федоровны объявились? Я слышал, что это москвичи. Более ничего.

Табанов объяснил:

– Дьяк Битяговский с семейством. Говорят, к Годунову близок.

– Значит, тот и послал дьяка, но зачем?

– Не по душе, видно, Москве, что в Угличе наследник подрастает.

– Им какое до того дело?

– Дело до Дмитрия у Москвы есть, и немалое. Не дай Господь, помрет царь Федор, тут-то свара за престол и начнется.

– А чего свара? Ясно же, что царствовать будет Дмитрий.

– Не все так просто. Борису это невыгодно.

– Почему?

– Потому. Головой думай. Скажи, кто ныне правит государством?

– Федор Иванович.

– Годунов, Ерема, правит. Федор так, для показа. Он на троне сидит, бояр принимает, послов иноземных, бумаги подписывает. А всеми делами от его имени заправляет Годунов. Он и указы для царя пишет. Коли Ирина Федоровна родит сына, то он станет прямым наследником. Но долго ли проживет? Ежели Борис задумал царем стать, то все сметет на своем пути. Он и племянника родного не пожалует. Чего уж говорить о Дмитрие? А вот коли Нагие защитят

мальчонку, он взойдет на престол, тогда и Годунову конец. Не простят они Борису унижений. Потому-то и невыгодно Годунову, чтобы Дмитрий жил.

– Довольно об этом, Федор, голова идет кругом. Господь решит, чему быть. Давай смотреть на ребят.

Мальчишки как раз закончили лепить третьего снеговика, самого большого, с кривой морковью вместо носа. Дмитрий подбежал к дяде, Михайлу Нагому, и тот дал ему свою саблю.

Вернувшись на прежнее место, Дмитрий громко крикнул:

– Это бояре. Главный среди них Борис Годунов, вот он, самый здоровенный. Я же царь, могу делать, что хочу. И сделаю. – Дмитрий подошел к снеговикам и стал рубить их саблей.

Начал он с большого, раскромсал на куски всех трех, остановившись, обернулся к притихшей толпе и заявил:

– Так вот будет с боярами, когда я стану царствовать.

К мальчикам подошел Осип Волохов, сын Василисы, мамки царевича, и спросил:

– Что, Дмитрий, вот так всех бояр и изрубишь?

– Изрублю!

– Это ты сейчас такой смелый. Крушить снеговиков большой отваги не надо.

Дмитрий сжал рукоятку сабли.

– Зачем так говоришь, Осип? Может, хочешь проверить, хватит ли у меня отваги срубить твою голову?

Волохов побледнел. Василиса бросилась было к мальчишкам, но ее остановил Михаил Федорович:

– Не лезь, хуже сделаешь. Я успокою Дмитрия. – Он направился к царевичу.

Тот видел, как струсил Осип, и распаялся все больше.

– Что молчишь? Я же могу только снеговиков рубить?!

– Убери саблю, Дмитрий. Извини. Я сказал, не подумавши.

– Нет, Осип, ты думал, что говорить. Унизить меня захотел, опозорить перед товарищами?

– Но я тоже твой товарищ.

– Ты не товарищ. Я мамке скажу, чтобы больше не пускала тебя во двор.

– Но почему, Дмитрий? Я же извинился.

– Уходи, иначе порублю! Да сначала поклонись, как положено.

Но тут Волохов уперся.

– А вот не поклонюсь и не уйду. Ты еще никто, и никому не ведомо, станешь ли государем. Без тебя есть кому на Москве править.

Дмитрий побагровел, губы его сжались в нить.

– Вот как! Ну, получай, собака! – Царевич поднял саблю.

Тут-то и подоспел Михаил Федорович.

Он перехватил руку племянника, забрал саблю и крикнул Волохову:

– Пошел отсель, да быстро! – Дядя обнял царевича. – Ты что, Дмитрий? Разве можно так?

– А как можно, когда надо тобой открыто изгаляются? И кто? Холоп какой-то.

– Но ты же играл с ним, дружил. Неужто и на самом деле рубанул бы?

– Да.

– Нельзя так, Дмитрий!

Корнев повернулся к куму.

– Слыхал, Федор!

– Не глухой и не слепой.

– А царевич-то в отца пошел. Как он снеговых бояр порубал! Едва Осипа не убил за то, что тот супротив него пошел. А речи-то какие говорил, хоть и мал еще. Настоящий царь растет. Как отец Иван Васильевич править будет.

- Теперь понял, почему его бояться на Москве?
- Теперь понял. Скажу честно, сам струхнул малость. Ведь малец еще, а как грозен!
- Так сын Грозного, оттого и сам таков. Погоди!.. А что это с ним?

Дмитрий в это время вдруг сильно закричал, отпихнул Михаила Федоровича. Лицо его перекосила гримаса, оно посинело. Крик оборвался хрипом, пальцы скрючились и застыли. Потом он рухнул на снег и забился в судорогах.

Все, кто это видел, ахнули.

Михаил Федорович и женщины из прислуги бросились к Дмитрию. Мальчишки разбежались.

Стража накинута на зевак.

– Пошли, пошли со двора! Быстро!

Табанов потащил за собой Коренева.

– Чего это с ним, Федя? – спросил Еремей.

– Не видишь, что ли? Падучая свалила.

– А от нее помереть можно?

– Я знаю?

– Да, прогулялись, насмотрелись, наслушались. Теперь просто грех не выпить.

– Так идем.

– У меня самого все тело дрожит.

– Не у тебя одного.

– А эта падучая, она не заразная?

– Нет. Идем, Ерема.

– Слава богу. Ты как хочешь, а я больше не ходок сюда.

– Испугался?

– Испугаешься тут. А ведь малец еще, девятый годок всего.

– Иван Васильевич в тринадцать лет уже думу Боярскую разогнал да приказал казнить князя Шуйского.

– Про то слышал, но думал, врут люди.

Кумовья вышли из Кремля, прошли до единственного в Угличе кабака, взяли медовухи. Выпили.

– Не могу успокоиться, – проговорил Еремей.

– Что так?

– Теперь Осипу Волохову в Кремль дорога закрыта. Глядишь, Мария Федоровна и Василису погонит. Если бы не Осип, то, может, и с царевичем ничего не было бы.

– Его падучая хворь не впервой бьет. Я с лекарем Гордеем надысь встречался. У него пятый внук родился. Позвал отметить. Посидели чин по чину. Я знал про хворь царевича и спросил у Гордея про нее. Он, сам знаешь, в своем деле человек известный, сказал, что немочь эта валит приступами, и человек потом ничего не помнит. А перед приступом он нередко начинает бояться всего, прятаться от мнимой угрозы либо напротив – злобствовать. Видения у них появляются разные. Вот сейчас все так и было. Дмитрий сперва прыгал, распоряжался, а позже в снеговиках бояр увидел, от которых на Москве лишения терпел. А может, кого из местных. Вот и порубил. Потом почуял угрозу в Осипе, да тот еще и подначил его. Он и зарубил бы дружка своего, потому как не понимал, что делает, а после и сам не поверил бы в это.

Кумовья выпили еще и пошли каждый к себе, делиться с женами и соседями виденным в Кремле.

Бессознательного Дмитрия слуги занесли в покои. Доктор немец Ганс Стубе служил Марии Федоровне еще при Иване Грозном и хорошо знал о болезни царевича. Он тут же велел положить его на постель, повернул голову набок, вставил в рот инструмент, похожий на палец,

только плоский, вытер чистым полотенцем пот с лица, пену, застывшую на подбородке. Судороги прекратились, вспотевшее тело расслабилось. Вскоре царевич открыл глаза.

– Вот и все! – Стубе поднялся, вытер руки тем же полотенцем. – Поверни голову, царевич, да открой рот.

Дмитрий подчинился.

Доктор осмотрел полость рта.

– Язык не покусан, как в прошлый раз. Это хорошо. Закрой рот. Голова болит?

– Да.

Стубе повернулся к Марии Федоровне, которая всегда находилась у постели сына во время припадков.

– Прикажи, царица, намочить полотенце и положить его на лоб царевичу. Да пусть воды принесут пилюлю запить.

Мария Федоровна передала приказ Волоховой и гневно взглянула на нее. Брат уже доложил ей о ссоре царевича с Осипом.

Стубе тем временем достал из своей сумки пузырек с пилюлями.

Волохова принесла мокрое полотенце, чашу с водой.

Мария Федоровна положила полотенце на лоб сына.

Дмитрий принял пилюлю, поданную ему доктором, запил ее водой.

Стубе спросил его:

– Легче стало, Дмитрий?

– Да, только в глазах мухи.

– Пройдет. Ты поспи. Как проснешься, хвори и след, как говорится, простыл.

– Да. У меня глаза закрываются.

– Поспи, сынок, а я посижу возле тебя, – сказала Мария Федоровна и махнула рукой, приказывая всем покинуть покои.

Когда сын уснул, вдовствующая царица прошла в палату, где обычно встречала посланцев из столицы и местную знать.

Представитель Москвы ждал ее.

Мария Федоровна прошагала мимо него, села в кресло, стоявшее меж двух окон, и только после этого соизволила посмотреть на посланца.

– Дьяк Михаил Битяговский, – представился тот. – Прибыл в Углич для ведения дел, порученных мне высочайшим повелением. Вот грамота царя Федора Ивановича. – Битяговский подошел к вдовствующей царице, протянул ей свиток.

Мария Федоровна схватила его и отбросила в сторону.

– По велению царя, говоришь, прибыл, Михайло Битяговский?

– Не след так обращаться с царской грамотой.

Царица повысила голос:

– Поучи еще меня. И отвечай на вопрос!

Битяговский был по натуре вспыльчив, но умел владеть собой, сдержался и ответил спокойно:

– В грамоте все прописано. А коли не желаешь сама читать, Мария Федоровна, так позови своих братьев или хотя бы одного, Григория. Михаил-то, наверное, по своему обыкновению пьян.

– Не много ли позволяешь себе, дьяк?

– Ровно столько, на сколько имею прав и обязанностей по царскому Указу.

– Да что ты врешь? Не Федор тебя прислал, а Бориска Годунов.

Битяговский вновь ответил спокойно, размеренно:

– Я с людьми своими прислан сюда государем Федором Ивановичем, и закончим на этом. Завтра же начну работу. Попрошу к утру подготовить мне отчет по доходам с удела, ибо с завтрашнего дня таковых у тебя не будет. Деньги на содержание станешь получать только из государевой казны через меня. В тех размерах, какие будут признаны необходимыми. Страже отдай наказ беспрепятственно пропускать во дворец меня и моих людей, имена которых указаны в грамоте. Либо я распоряжусь сменить стражу. О прочем поговорим отдельно, когда ты будешь поприветливее.

– И не надейся.

– На что? На повинование государю?

– На то, что стану приветливой для слуг Борискиных.

– Повторяю, Мария Федоровна, я прибыл сюда по приказу царя.

Но вдовствующая царица не слушала Битяговского.

Она резко повысила голос, в нем зазвучали истерические нотки:

– Бориска Ивана Васильевича извел, Федора через сестру подчинил себе, девицу Мстиславскую в монастыре запер, меня с наследником в ссылку отправил. Он даже духовенству запретил поминать имя Дмитрия при богослужениях. К трону дорогу себе пробивает. Может, Бориска послал тебя известить моего сына?

Битяговский вздрогнул, но тут же взял себя в руки:

– Как ты можешь такое думать, царица? Моя цель – защищать царевича, следить за тем, чтобы строго блюлись его права и безопасность.

– Без тебя обойдемся. Я знаю, как убережешь сына. В бумагах ройся сколько угодно, следи, вынюхивай, мешать не стану, докладывай Бориске, что хочешь. Уже завтра можешь отправить гонца и передать ему, что Мария Нагая не даст царевича на растерзание, коли надо, весь Углич подымет, а не подпустит к нему никого. Поведай еще, что мы не признаем его и проклинаем.

– Смелые речи говоришь, Мария Федоровна. Не надо так со мной. А грамоту-то подыми да почитай, что в ней написано и скреплено печатью нашего государя, остепенись, смири гордыню.

– А то что? – Grimаса ненависти легла на лицо царицы.

– А то потеряешь все, что имеешь. Больше мне нечего тебе сказать. До завтра, царица. – При слове «царица» Битяговский пренебрежительно усмехнулся.

Это вызвало новый прилив гнева у Марии Федоровны, но она промолчала, только сжала кулаки, прикусила губы. Какой смысл ругаться с дьяком? Понятно, что он исполнял волю ненавистного Бориса. В этом у Марии Нагой сомнений не было.

Битяговский ушел, царица постепенно успокоилась и призадумалась.

С одной стороны, проезд надсмотрщика Битяговского – это плохо. Значит, Бориска решил, что Углич без присмотра оставлять нельзя. Как бы тут не поднялся мятеж. Ведь Годунову хорошо известно, что народ по-прежнему вспоминает годы правления Ивана Грозного.

Занервничал правитель, обставил все так, будто дьяк с людьми своими прибыл защищать Дмитрия. Битяговский назвал сына царевичем. Тоже с умыслом и с ведома Бориски.

С другой стороны, если Годунов намеревался бы известить Дмитрия, то вот так, именем Федора, не послал бы убийцу. Это делается тайно.

Да и присылать не надо. У Бориски и в Угличе есть свои люди, хотя бы тот же городской приказчик Русин Раков, выборный правитель Углича. У него тут верные людишки имеются. Да и сам он, получив приказ Бориса, легко извел бы царевича. Долго ли подкупить слугу, который подсыплет яда в еду или питье? И не станет ни Дмитрия, наследника престола, ни непокорной матери его, вдовствующей царицы Марии Федоровны.

Братьев в ссылку подальше от Углича. В Сибири необъятные просторы, сколько знатных людей сослано туда по злой воле Годунова? Не счесть.

Бориске не занимать опыта в таких делах.

Однако он присылает дьяка с семейством, с грамотой царя. Значит, еще не время убирать с дороги Дмитрия.

Но долго ли ждать, когда Годунов решится на убийство? Он рано или поздно пойдет на то, чтобы известить Дмитрия. Тот большая помеха в его притязаниях на престол.

С Битяговским, покуда тот не набрал силу в Угличе, справиться не сложно. Поднять народ, обвинить дьяка в посягательстве на жизнь царевича, и все дела. Горожане разбираться, правда то или нет, не станут, разнесут подворье, занятое дьяком, до смерти забьют его с женой, сыном и племянником.

А самой в это время с Дмитрием, братьями и ближними людьми податься сначала в Ярославль, потом через Тверь в Новгород под защиту князя Губанова. Иван Петрович укроет на время, если не у себя, то в ближайшем монастыре, где помнят и чтут Ивана Грозного и сына его родного в обиду не дадут.

Наладить отношения со шляхтой, перебраться в Речь Посполитую, в Краков, к королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду Вазе. Там русского царевича примут с почестями. Это же такой подарок – заполучить наследника российского престола, который потом будет в долгу.

Подобные мысли, план бегства и мести Годунову, мгновенно созревший в голове, возбудили Марию Федоровну. Она поднялась с кресла, стала мерить шагами залу, что-то шепча и крестясь.

За этим и застал ее брат Михаил, пьяный сильнее прежнего, но способный воспринимать реальность.

– Кого это ты, Мария, принимала? Что за птица этот гость из Москвы?

– Ты, Михаил, лучше пошел бы да проспался, а сперва подозвал бы сюда Григория.

– Я пьян? Окстись, Мария, да я, можно сказать, Дмитрия от беды великой спас. Не будь меня рядом, царевич наш зарубил бы Осипа Волохова. Тогда Бориске и изводить его не потребовалось бы, потому как наследник совершил бы смертный грех. Упрятали бы всех нас в монастыри, сослали в дальние края.

– Ты спас? – воскликнула Мария Федоровна. – А кто ему саблю дал? Это надо додуматься!

– А чего в этом такого? Мальчишку надо приучать к оружию, чтобы вырос воин, а не слюнтяй.

Вдовствующая царица махнула рукой.

– Что с тобой говорить? Иди проспись.

– Я выпил самую малость для настроения. В этих палатах да в паршивом городе с ума сойти можно.

– Видно, что разума в тебе осталось самая малость.

– Мария, обидеть хочешь?

– Тебя не обидишь.

– Так ты скажешь, что за гость объявился?

– Дьяк Михайло Битяговский. Слышал о таком?

– Битяговский? Вроде такой в Казани был.

– Был. А теперь в ближних людях Годунова обретается.

– А к нам-то зачем пожаловал?

– Чтобы следить за нами да защищать интересы Дмитрия. Мы же их нарушаем!

– Кто сказал?

– Годунов.

– Нашла кому верить.

– Я и не верю. Это ты ничего понять не можешь. Бориска приказал дьяку надзирать за нами, ущемлять во всем, в чем только можно, унижать нас, посылать в Москву лживые доносы о нашем недовольстве. Теперь тебе не разгуляться. С завтрашнего дня средства на наше содержание из казны поступать будут. А много Бориска не даст.

– Обойдемся и без его подачек. Дьяка же этого, коли он будет совать свой нос не туда, куда надо, приструним, на место поставим.

Мария Федоровна насмешливо посмотрела на брата.

– Ты поставишь?

– А хоть бы и я.

– Иди, Михайло, не смейся.

– Я-то уйду, душно тут, а вот тебе без меня, как ни крути, не обойтись.

– Куда ж мне без тебя. Но ладно, Михаил, ты и впрямь ступай. Пусть Григорий придет.

– На что тебе брат?

– Нужен!

– Я не нужен, Гришку подавай. А ну вас всех. К вам, как к родным, а вы... – Михаил Федорович повернулся и вышел из залы.

Мария Федоровна поведала брату Григорию о приезде надсмотрщика и попросила заняться с ним бумагами по хозяйству, по отчетности удела.

– Ты будь с ним, Гриша, любезней, хоть и не по нраву тебе это. Мне не по чину с ним общаться, а Михайло по пьянке может нагородить такого, что не разгребем потом.

– Ладно, сестра, займусь. Бумаги у нас в порядке, хотя придраться, конечно, можно. Я вот о чем подумал, Мария. А не по душу ли Дмитрия явился дьяк?

– Были у меня те же мысли. Считаю, что Битяговского опасаться не стоит.

– Да, убийцу открыто не присылают. Но все же надо бы усилить охрану и опеку царевича. До игр допускать только ребят надежных, проверенных.

– Я уже повелела Осипу Волохова на двор не пускать.

– А вот это напрасно. Царевич о ссоре помнить не будет, а отсутствие дружка заметит и вопросы начнет задавать. Прислуга все ему расскажет.

– Может, и так, но Осипу делать во дворе нечего. Это решено.

– Ну тогда гони и Василису.

– Надо будет, выгоню. Покуда пусть служит. От нее вреда нет.

Григорий Федорович пожал плечами.

– Дело твое, ты мать.

– Вот именно, я мать, и мне решать, как воспитывать сына.

– Я о том же.

– Ну и ладно. Битяговский будет смотреть за нами, тебе же надо приглядывать за ним и за его людишками.

– Сделаю. Это все? Пойду заберу бумаги да еще раз все посмотрю, где надо подчищу. – Он поднялся, намереваясь уйти, но вдовствующая царица окликнула его:

– погоди, Григорий! Это еще не все, что я хотела обсудить с тобой. Но об этом не здесь.

– Ты кого-то опасешься?

– Всех, кроме родных. Любой из прислуги продаться Бориске может. Не устоит, даже не имея подлых намерений. Годунов подавит любого.

– Но не Нагих.

Мария Федоровна улыбнулась.

– Но не Нагих. В этом ты прав. Выйдем во двор.

– Шубу надень, на улице похолодало, ветер поднялся.

– Жди у крыльца, скоро выйду.

Григорий Федорович вышел во двор. Вскоре к нему спустилась Мария, взяла брата под руку, повела по дорожке вокруг дворца, где никто не мог слышать их.

– О чем ты хотела поговорить со мной, сестра? – поинтересовался Григорий.

– Ты только выслушай, не перебивая, и сразу выводы не делай. После скажешь, что надумаешь.

Григорий Федорович удивленно посмотрел на сестру.

– Хорошо. Я слушаю тебя.

Мария Федоровна поведала брату свой план с отъездом в Польшу. Говорила она довольно долго, по деталям расписывала суть замысла, хотела убедить брата в своей правоте.

Григорий Федорович умел слушать.

Они обошли дворец, встали у крыльца.

– Ну вот, пожалуй, и все, Гриша.

– Я услышал тебя и уже сейчас...

Мария Федоровна ладонью из прорези в рукаве шубы закрыла рот брату.

– Сейчас, Гриша, ничего не говори. Обдумай услышанное, воспринимай это не как слабость, измену или выгоду, а как необходимость сохранить Дмитрия для царствования. Помни, что Годунов не оставит нас в покое и не отбросит мысль о восхождении на трон любыми способами.

– Хорошо, сестра. Но когда мы поговорим на эту тему?

– Сразу после того, как ты разберешься с делами вместе с дьяком Битяговским. Он уедет из Кремля, тогда и поговорим. Опять здесь же.

– Я понял тебя! Хочу знать, Михаил в курсе твоих замыслов? Он же был у тебя.

– Был, только пьяный. О чем с ним говорить? Послала его отсыпаться. Протрезвеет – узнает все. Не бросать же его здесь на растерзание!

– Я думаю, его не надо посвящать в суть дела прежде времени. Трезвым он выслушает тебя, а пьяным может раскрыть тайну всем.

– Да, ты прав. Скажем ему об этом попозже. А вот нашему брату Андрею вообще ничего говорить не надо. Он для таких дел совсем не подходит. Будем уезжать, позовем с собой. Пусть тогда сам решает, как ему быть.

Царица продолжала тщательно продумывать план побега.

В Новгород был отправлен гонец для установления связи с князем Губановым. Верный Нагим человек вернулся с обнадеживающей новостью. Губанов готов был не только принять и укрыть семью наследника, но и содействовать переговорам с Речью Посполитой.

Однако зима в этом году выдалась непредсказуемой и на редкость капризной. Ехать было опасно. То лютые морозы, то оттепели с обильным снегопадом делали дорогу просто непроходимой.

Второй не менее важной причиной невозможности немедленного бегства являлось присутствие в Угличе дьяка Битяговского, который усердно исполнял свои обязанности. Не проходило дня, чтобы он не навещался во дворец. Битяговский постоянно усиливал давление на Марию Федоровну и ее братьев, урезал их привилегии, в то же время более чем любезно обходился с Дмитрием, часто разговаривал с ним.

На дворе появились жена дьяка, его сын Даниил и племянник Никита Качалов. Он начал ухаживать за дочерью Василисы Волоховой, что закончилось свадьбой.

Мария Федоровна, умудренная опытом дворцовых интриг, почувствовала, что вокруг нее стягивается петля, наброшенная Борисом Годуновым. Теперь она могла доверять все меньшему количеству людей.

На семейном совете вдовствующая царица объявила братьям о принятом ею решении:

– Уходить в Новгород будем в начале июня, когда леса станут для нас лучшей защитой.

– Но, Мария, Битяговский тут же подымет тревогу и пошлет за нами погоню. Мы и отойти от Углича не сможем, – возразил Михаил, недавно узнавший суть плана.

Григорий поддержал брата:

– Михаил прав, Маша.

– Знаю, что дьяк не даст нам уйти, а посему его надо убрать.

– Что? – одновременно воскликнули Михаил и Григорий.

– А чего это вы так всполошились? – осведомилась вдовствующая царица.

– Так ты же сказала, что надо убрать дьяка?

– Да. На время.

– Не убить? – спросил Михаил.

– С ума сошел? В этом нет никакой надобности.

– А как же тогда его убрать? – спросил Григорий.

– Привлечем Андрюшу, которого посылали в Новгород. Его мало кто в Угличе знает и уж тем паче Битяговский. Приоденем его, сделаем грамоту, в которой напишем, что Бориска срочно вызывает дьяка на Москву. Тот не ослушается, уедет.

– Мария, ты хочешь выдать нашего Андрюшу за гонца Бориски? – осведомился Михаил.

– Как же туго до тебя все доходит! Дьяк доберется до Москвы, встретится с Годуновым. Бориска поймет, что мы его провели, отправит погоню. Но мы уже будем далеко. За два-три дня скроемся в лесах так, что не найдут.

– Это если ищейки Годунова сразу след не возьмут или кто из местных не подскажет им, куда мы двинулись, – сказал Григорий.

Вдовствующая царица улыбнулась.

– Правильно, Гриша, а посему людишки Бориски след взять не должны.

– А как это сделать? Незаметно нам все одно из Углича не выехать.

– Самых ярых наших противников посадим в кремлевские погреба.

– Да у нас и людей-то для того нет.

– Это пока. Слушайте меня. Ты, Гриша, займешься подбором верных людей. Много не надо, человек пять, которые потом уйдут с нами в Новгород. В том числе и Андрюша. Подготовишь ему грамоту. Михаил, ты подыщешь струг или ладью.

Михаил Федорович открыл рот от удивления и спросил:

– А судно-то нам зачем, коли пойдем не рекой?

– А ты подумай!

– Некогда думать, говори, что замыслила.

– Раз незаметно выбраться из Углича не получится, то уйдем открыто, вниз по реке. Пусть народ видит это. Тогда люди Годунова будут искать нас именно там. А мы пристанем к берегу и пойдем в лес, где будет стоять обоз, который тебе, Михаил, надо приготовить. Судно же продолжит плавание, пока его не догонят. Это еще потеря времени, причем большая. С хозяином судна не торговаться, дать сколько запросит. Управлять судном станут наши люди. Завидев преследование, они должны будут бросить его и разбежаться по лесу, увести погоню за собой. Этих людей надо подобрать отдельно. Это уже сделаешь ты, Гриша!

– Ну и замутила! – заявил Михаил.

– А как ты хотел? Провести Бориску – это тебе не кубок вина выпить. В Кракове мы начнем новую жизнь. Там и Дмитрия у лучших королевских докторов подлечим, и права на престол укрепим. Королю выгодно такое положение. Он выступит охранителем наследника российского престола. Мы поднимем народ на мятеж, напрямую обвиним Бориску в убийстве Ивана Васильевича. Начнется на Руси смута, и не видать Бориске трона. Дмитрий править будет, а с ним и мы.

– Верные слова говоришь, Мария, – заявил Михаил.

Григорий же был более спокоен и расчетлив.

– Надо будет доктора Ганса Стубе с собой брать, – сказал он. – Захочет ли он бежать?

– А кто его спросит? – воскликнул Михаил. – Воспротивится, я сам его в тюк уложу и на себе поташу.

– Заставим! – тихо проговорила Мария Федоровна. – Снадобья лечебные тоже надо брать. Займись этим, Гриша.

– Да, сестра.

Глава 2

Нагие всерьез взялись за подготовку к бегству. Михаил Федорович перестал пить, отчего почти всегда был не в настроении, однако дело свое делал. Наперво он решил заняться наймом речного судна, которое должно было сыграть отвлекающую роль во всем плане побега семьи в Польшу и запутать следы ищек Годунова.

Но как это сделать, когда вокруг полно людишек Битяговского? Из Кремля выйдешь, а дьяк о том уже ведает. В Угличе владельцев речных судов много. Город стоит на Волге, с нее кормится. А к кому и как подойти, чтобы Битяговский не знал?

Выход из положения, казавшегося Михаилу отчаянным, нашелся неожиданно.

Михаил, истерзанный думами и духотой, стоявшей в жарко натопленных покоях, решил выйти во двор, прогуляться, воздухом подышать. Погода стояла морозная, но безветренная. Он надел шубу и шапку, вышел в коридор и столкнулся там с Ариной Тучковой.

Кормилица царевича вздрогнула.

– Ой, господи, боярин, напугал-то как!

– Много тут вас пугливых, – буркнул Михаил. – Чего допоздна делаешь во дворце?

– Дело свое справляю.

– Дело, – недовольно проговорил Михаил, – мне бы твои заботы.

– А чем это ты озабочен, боярин?

Брат вдовствующей царицы вздохнул.

– Тебе-то какое дело?

– Может, подмогу?

Михаил Федорович посмотрел на кормилицу.

– Поможешь? А ну-ка пройдем в покои.

– Ты только это...

– Ты о чем подумала, Арина? Как тебе в голову такое могло прийти?

– А я что, я ничего.

– Ничего она. – Михаил Федорович покачал головой. – Идем, говорю, потолкуем.

– Тут нельзя?

– Слушай, ступай-ка ты к себе. Поможет она!.. Чего испугалась? Что приставать буду?

Нужна ты мне.

Он собрался идти дальше, но Арина сказала:

– Ладно, боярин, пойдем в покои, а то гляжу, извелся ты в думах.

– И до чего же вы, бабы, непутевые! То не пойду, то идем. – Михаил Федорович прошел обратно в покои.

Тучкова шагала за ним.

Он сбросил шубу.

– Жарко. Надо сказать, чтобы больше не топили.

– Да, душно у тебя. Так о чем думы-то твои?

– Надо мне по наказу сестры нанять на лето судно для прогулок царевича.

– И что в этом трудного? Купцы с удовольствием сдадут ладью. Ведь не даром же?

– А дьяк, который надзирает за семьей? Прознает он про это и назло царице сделку сорвет. Мне нужен человек, который не побежит к Битяговскому. Много ли таких в городе?

– Да, таких, пожалуй, немного, но одного посоветовать могу.

Михаил Федорович пытливо взглянул на Тучкову.

– И кто это такой смелый, что против человека Годунова не побоится пойти?

– Федор Табанов, рыбой копченой с товарищем своим торгует.

– Откуда ты его знаешь? Почему думаешь, что не заботится он гнева Борискина?

– Я же дружна с Катериной, его женой. Она сказывала, что муж и товарищ его царевича жалуют, говорят, не зря Годунов прислал сюда дьяка с людьми. Задумал он какую-то подлость.

– Что, открыто об этом говорят?

– Ну не на людях, меж собой, конечно. Вот к Табанову тебе и надо обратиться.

– Почему не к товарищу его?

– Можешь и к товарищу, но лучше к Табанову. Он вроде как старший в их деле и характером сильнее.

– Это ты тоже от женки его слыхала?

– Это я из разговора ее поняла.

Михаил Федорович задумался, прошелся по покоям, повернулся к Тучковой.

– Ладно. Но как мне встретиться с Табановым, чтобы людишки дьяка не заприметили?

Тебе же хорошо известно, что за нами всеми надзор установлен.

– Это за вами, боярин, за царицей, царевичем. А чтобы смотреть еще и за прислугой, так у дьяка людей не хватит. Я могу спокойно переговорить с Катериной. Она завтра должна зайти, просто так, поболтать.

– Поговори. Но смотри, ты за Катерину и муженька ее поручилась. Если что, спрос будет с тебя.

– Знаю. К купцу сам пойдешь? Или ему сюда прийти?

– Сам пойду. Сюда его не проведешь мимо стражи, а она под дьяком. Я же знаю, как незамеченным уйти из дворца и из Кремля. Пусть только этот купец встретит меня на подворье да работников своих, коли такие есть, уберет. Лишних людей в доме быть не должно. А как лучше по городу к его подворью пройти?

– Это и я скажу.

– Может, еще и проводишь?

– Скажешь, провожу!

– Ответ когда дашь?

– Так завтра и дам.

– Все, поговорили, ступай. Завтра жду ответа. Когда к тебе Катерина должна зайти?

– До полудня.

– Добро, буду ждать. Если мужик ее согласится на тайную встречу, то пусть с ней не затягивает. И язык за зубами держите, чтобы Битяговский ни о чем не прознал. Это уже не мой, а царицы Марии Федоровны строгий наказ.

– Ой, что-то вы опасное задумали, боярин.

– Тебя это не касается. Твое дело маленькое. Поможешь, наградим. Подведешь – накажем. О том крепко помни.

– Если бы не Дмитрий, меня бы тут не было. Все, боярин, пошла я. Завтра будешь знать все.

– Ты сюда не приходи, как встретишься с купчихой, на дворе будь. Увижу, выйду.

– О нашем разговоре даже Мария Федоровна не должна знать?

– А то ты что-то сделаешь без ее ведома? Ступай уж.

Михаил Федорович спустился в гостевую залу.

Мария Федоровна задумчиво сидела в кресле.

– Тебя тоже гложут мысли, сестра?

Царица вздрогнула.

– Ты?

– Тоже испугалась, что ли?

– Кто еще?

– Арина Тучкова.

Мария посмотрела на брата.

– Что у тебя с ней?

– И ты туда же, – присев на скамью, проговорил Михаил. – Ничего.

– Так как тогда испугал?

– За тем и зашел, чтобы поведать о нашем с ней разговоре. Утром она сама все тебе расскажет, но лучше будет, если ты сейчас узнаешь.

– Не говори загадками, давай по делу.

Михаил Федорович поведал сестре о разговоре с Тучковой, не упустив ни малейшей подробности.

Вдовствующая царица внимательно выслушала его и сказала:

– Это что же получается, Михаил, наша прислуга свободно заводит знакомства среди горожан?

– Так бабы, Мария, что с них взять? Они без того, чтобы почесать языками, не могут. Но я кормилицу царевича строго предупредил, чтобы о нашем разговоре молчала.

– Ты понимаешь, что наделал?

Тот шумно выдохнул.

– Ну вот и так плохо. А как мне, по-твоему, нанять судно да подобрать на него людей, сиднем сидя во дворце? Как найти верного человека, когда повсюду людишки Битяговского?

Мария Федоровна успокоилась и неожиданно улыбнулась.

– Ты прости меня, брат, я была неправа. Ты все сделал верно, сказал Арине, что ладья нужна для летних прогулок царевича по реке. Узнает об этом дьяк и что? Запретит прогулки? Может. Скажет купцам, чтобы не давали нам судно? Тоже может. Но главного не прознает – для чего на самом деле мы хотели нанять это судно. Не получится здесь, обращусь к князю Губанову. Тот что-нибудь придумает. У него и люди есть, и суда. Вот только как быть теперь с Андрюшей?

Михаил Федорович насторожился.

– А что Андрюша?

– Мы думали, он в Новгород и обратно скрытно ездил, ан нет, оказывается, видел его один из здешних стражников.

– Да ты что? Теперь о нем и дьяк знает? Но это же крах всего дела. Возьмут Андрюшу, он под пытками и выдаст, зачем мы посылали его в Новгород.

– Не суетись, Михаил. Судя по всему, дьяк о гонце нашем ничего не ведает. А стражник перед тем, как на службу заступить, дождался Григория, тот в город выезжал, и сказал, что есть о чем поговорить. Серьезный, мол, разговор.

– Григорий сейчас с этим стражником?

– Да.

– Господи, спаси и сохрани, не дай сгинуть от рук Борискиных.

– Чего так перепугался? Или не знал, что тягаться с Годуновым – не игрушки?

– Ох, Мария, попадем мы, как кур в ошип, чует мое сердце.

– И давно ты таким пугливым стал?

– Станешь, когда новость такая. Давно Григорий на встречу ушел?

– Да уж должен был вернуться.

– А если его Битяговский взял? Стражника поставил, чтобы выманить Григория, а сам тут как тут.

– Подумал, что сказал? Зачем Григория куда-то выманивать, когда дьяк мог взять его и во дворце? Не сам, через городского пристава.

– Ох, Мария, чую, беда.

– Не ной, сядь на лавку, воды испей.

В коридоре слышались шаги. В залу вошел Григорий Федорович, снял шапку, шубу, остался в шелковой рубашке.

– И что так натопили? Не продохнуть. А, Михайло, ты чего такой бледный? Худо без выпивки?

– Не напоминай. Лучше рассказывай, о чем со стражником говорил.

Григорий Федорович взглянул на сестру.

Та кивнула, мол, можно при брате.

Григорий устроился на скамье, ближней к креслу вдовствующей царицы, и проговорил:

– Стражник этот, Боян Каратаев, местный, из Углича. Здесь у него два брата живут, один скорняк Влас, другой купец Глеб. Родители померли. Их изба отошла Бояну. Братья с сыновьями живут на одном подворье в других избах...

– Ты о деле, Григорий! – потребовала Мария Федоровна.

– Так я и говорю о деле. Все по порядку. А ты лучше не перебивай, не то забуду чего. Разговор был скорый, тайный.

– Ладно, продолжай, коли подробности так важны.

– Важны, сестра. Так вот, в Угличе у Бояна два родных брата, в деревне же Сутнице двоюродные проживают, трое. Те, понятно, от земли кормятся. Когда Андрюша вернулся из Новгорода, коня поставил в конюшню, сам же прошел во дворец потайным ходом. Там, где мы сегодня говорили со стражником. А его место недалече, на углу. Вот он случайно и увидел Андрюшку. Человек для стражника чужой. Тот хотел гонца задержать, но я успел открыть дверь раньше.

– Так этот глазастый стражник и тебя видел? – спросила Мария.

– Видел, сестра. Я пропустил Андрюшку и осмотрелся, нет ли за ним кого.

– Это значит, стражник тебя увидел, а ты его нет?

– На угол не посмотрел.

– Ладно. О чем говорили?

– Боян сказал мне, что если у нас есть человек, о котором не знает дьяк, то его надо лучше прятать. Мол, будь на моем месте другой стражник, Битяговский уже все знал бы и учинил бы следствие.

– Почему же Боян этот не сдал нашего человека? – осведомился Михаил.

– Я его тоже о том спросил, а он мне в ответ, мол, в народе поговаривают, что дьяка из Москвы прислали, дабы царевича известить. Чернь недовольна, почитает батюшку его и нам зла не желает. Так и семья Каратаевых. Стражник сказал, что если есть надобность, то он и братья его всегда готовы служить нам, а не Битяговскому с Раковым. Я ему велел о гонце молчать. Мол, человек тот уже покинул Углич, а приезжал он, чтобы вещицы твои, Мария, драгоценные, забытые на Москве, привезти. Солгал я, взял на душу грех, но думаю, что стражник мне не поверил.

Мария Федоровна поднялась с кресла, прошла по зале, шелестя длинным платьем.

– А ты уверен, Григорий, что Боян этот не заслан к нам Битяговским?

– Но тогда Андрюшку искали бы.

– Я тоже так думала до недавнего времени и Михаилу о том говорила, а сейчас вдруг мысль пришла, какой резон Битяговскому Андрюшку брать сейчас, сразу? Это успеется. Куда полезней к нам человека своего приставить, чтобы приглядывал. Сам Битяговский на такую игру не пошел бы, а вот Бориска мог, это как раз по нему. А что, если этот Боян и есть тот человек, которому Годунов намерен поручить известить Дмитрия? Расчет простой. Этот стражник втерся в доверие, будет нам служить, дьяка ругать, поручения мелочные исполнять, а поступит приказ от Бориски, он и лишит царевича жизни.

– Да не похож он на убийцу. Конечно, только Господь Бог знает, что у него внутри, но я ему почему-то верю.

Мария покачала головой.

– Такого и должен был послать Бориска. Битяговский слишком заметен, а стражник – самое то.

Григорий пожал плечами.

– Если в каждом видеть врага, то нам самим ничего в Угличе не сделать. Я имею в виду побег. Как наберем людей, если никому не верить? А то, что чернь против дьяка настроена, проверено.

Мария Федоровна усмехнулась.

– Потому как слухи о его безбожных замыслах отсюда, из дворца расползаются. Мы их черни даем.

– Ну уж нет, Мария, за Дмитрия не только в Угличе стоят. Возьми того же князя Ивана Петровича Губанова, живущего в Новгороде, – проговорил Михаил.

– Думаю, его просить надо, чтобы занялся подготовкой побега, – сказала Мария Федоровна и села обратно в кресло, – это надежней.

– А как ты с ним теперь свяжешься, сестра? – поинтересовался Григорий. – Пошлем Андрюшу, его схватят, коли стражник – человек дьяка. А другого надежного гонца у нас нет.

В разговор вновь вступил Михаил:

– Надо бы как-то проверить этого Бояна.

– Как? – спросила вдовствующая царица. – Предложи, послушаем.

– Знать бы.

– А я знаю, – сказал Григорий, – у него же родственники в Сутнице. Это верст десять-двенадцать от города. Надо поручить ему предупредить братьев в деревне, чтобы гостя встретили из Москвы.

– Какого еще гостя? – осведомилась Мария.

– Никакого. Для проверки сказать, что гость из Москвы должен к нам приехать. Принять его в Угличе из-за Битяговского мы не можем, а в Сутнице – другое дело. Да еще он должен в условленное время меня туда же проводить, обеспечить скрытый от дьяка выход из Кремля.

– Что-то я плохо понимаю тебя, брат, – проговорил Михаил, – попросишь ты стражника об услуге. Если он Битяговскому служит, то сообщит ему об этом. Дьяк, понятное дело, разрешение даст, Боян выведет тебя из Кремля и тайком привезет в Сутницу. Гость не приедет, и что дальше?

– Гость не приедет, но Битяговский такой момент не упустит, захочет перед Бориской выслужиться. Сам объявится в деревне, дабы гостя этого прихватить.

– Но того же не будет?

– Да что ты на самом деле? Говорю же, что Битяговский там объявится. Мы тут увидим, как он отправится туда, и пойдем, его человек Боян или нет.

– А что, неплохо, – сказал Михаил.

– Хорошо, Гриша, когда Боян в другой раз заступит на службу, поговори с ним, передай просьбу о приеме гостя, скажи, что это человек знатный, влияние на Москве имеет, стоит на стороне царевича Дмитрия, Годунова не признает, – проговорила Мария.

– Сделаю, сестра.

Вдовствующая царица повернулась к старшему брату.

– А ты занимайся купцами. Времени у нас вроде много, но и препятствий немало. К маю у нас все должно быть готово. Последний месяц будем жить тише воды, ниже травы, покажем Битяговскому, что смирились со своей участью и ничего не замыслием. Только так нам удастся обмануть Бориску, и никак иначе. Брату Андрею ничего не говорим, как и прежде. Он и так тих и покорен. – Вдовствующая царица направилась к выходу. – На сегодня все. Я устала. Ступайте отдыхать и вы.

На следующий день Дмитрий по обыкновению вышел во двор. Там уже были его друзья. Прислуга за ночь залила горку, и ребятки весело скатывались с нее.

Михаил Федорович тоже прошел во двор. Арина Тучкова, Василиса Волохова и Мария Колобова глядели за играми ребят. Он взглянул на Тучкову. Та незаметно кивнула, отошла от крыльца и двинулась в сторону кремлевских ворот.

Михаил Федорович окликнул ее:

– Арина!

Женщина осмотрелась и, прикрывая рот платком будто от мороза, быстро проговорила:

– Сегодня, как стемнеет, буду у храма. Подходи, боярин, покажу подворье Табанова. Он согласился встретиться с тобой. Но тайком, как того хотел и ты.

– Подойду. Сама куда направилась?

– Тулуп для сына принести, оделся не по погоде.

– Ну добро, как стемнеет, у храма.

Тучкова пошла дальше. Михаил Федорович остался во дворе, кутался в шубу, смотрел за Дмитрием.

Скоро появился Битяговский, поздоровался, тоже посмотрел на забавы Дмитрия.

– Играется царевич? Это хорошо, здоровье дает.

– А мы вот все мешаем ему, притесняем.

– Не надо так, Михаил Федорович. Ерничать не стоит. Хотел узнать, с падучей сына Мария Федоровна что думает делать?

Михаил с удивлением взглянул на дьяка-надзирателя.

– А что царица, по-твоему, может сделать?

– Может, из Москвы докторов ученых запросить? Царь Федор не откажет. Все-таки братья они по отцу. Ваш-то немец, видать, в хвори не разбирается.

– А как доктора московские разберутся, ежели эту хворь напустили на царевича люди темные, злобные?

– Ты думаешь, это порча?

– Чего я думаю, то тебя не касается. Есть разговор с царицей, ступай к ней. Она тебя примет. А мне с тобой разговаривать не о чем.

Битяговский вздохнул и произнес:

– Как ты, боярин, не поймешь, что я прислан сюда по воле царя Федора Ивановича. Обязанности на меня лично он наложил, грамоту со своей печатью выдал.

Нагой усмехнулся.

– А Годунов Борис Федорович, конечно, к этому никакого отношения не имеет. Не надо мне, дьяк, сказки сказывать. Я их в детстве наслушался.

– Не пойму, чего вам не хватает, откуда столько злобы на всех, и в первую голову на Годунова? Борис Федорович всего лишь служит царю. Да, сестра его царица, но он не пользуется этим, да и она не позволила бы. Не стоит верить всяким слухам. Надо трезво смотреть на жизнь.

– Ты это на что намекаешь?

– Да не намекаю я, Михаил Федорович, только пример какой ты царевичу показываешь, когда пьяным буянишь?

– Я буяню? Это кто же тебе такую глупость сказал? Не пью я уже. Какая собака врет на меня?

– Об этом даже чернь говорит, а уж она откуда что берет, у нее и спроси. Значит, Мария Федоровна во дворце?

– А где же ей по твоей милости быть?

– Опять не то говоришь, боярин. Разве вдовствующей царице что-либо запрещено? У меня на то никаких указов нет. Да и желания тоже. Мне поручено смотреть за Дмитрием, проверять, надлежащий ли уход за ним здесь ведется. Вот и все!

– А в бумаги наши ты тоже лезешь потому, что и они влияют на содержание Дмитрия?

– Конечно. Там отчетность. Мне поручено ее проверять именно для того, чтобы ясно было, достаточно ли обеспечен царевич. Да тебе, боярин, этого не понять.

– Да куда уж мне! Я же разум пропил. Давай, дьяк, ступай к Марии либо куда подальше, не зли меня.

– А куда это кормилица царевича пошла?

– Это ты у нее спроси, как вернется. А теперь ступай своей дорогой.

– Я-то пойду, Михаил Федорович, только дорога у нас одна.

– Это поглядим!

Зимний день проходит быстро. В пятом часу вечера боярин сменил сапоги из турецкого сафьяна на кожаные, поверх рубахи надел кафтан на завязках, подбитый овчиной, взял колпак на меху и теплые рукавицы. Теперь он больше походил на зажиточного посадского, чем на боярина, чего и добивался.

Михаил узнал у прислуги, ушел ли Битяговский, и заглянул к сестре.

Та рассмеялась, увидев его в необычном наряде.

– Вижу, у тебя настроение хорошее. Дьяк, что ли, поднял? – буркнул Михаил Федорович. Смех сразу же прекратился.

– Тот поднимет. Ты к купцу?

– Да. Тучкова будет у храма ждать, наверное, уже там. Проводит до подворья.

– Ты выйди так, чтобы стражники не видели.

– Это моя забота. А чего Битяговский хотел?

– Про хворь Дмитрия расспрашивал, предлагал обратиться за помощью к Федору. На самом же деле, думаю, вынюхивал, как да что у нас тут.

– У него соглядатаев хватает.

– В Кремле, не во дворце.

– Как знать.

– Ладно, Михайло, ступай, да хранит тебя Господь.

– Угу. Как вернусь, зайду.

– Непременно.

Михаил Федорович подошел к плотной двери, у которой глазастый Боян заприметил гонца Андрюшку. Но сегодня Каратаев не на службе, другой же стражник может быть и не таким глазастым.

Он аккуратно приоткрыл дверь. Кстати, поднялся ветер, кружилась метель. На углах стражников не было, наверное, они собрались у бочки с костром и грелись.

Боярин прошел к крепостной стене, потом к открытым воротам боковой сторожевой вышки и оказался вне Кремля. Тут он почувствовал холод. Кафтан, даже на меху, это не шуба.

Тучкову Михаил увидел не сразу. Она стояла под деревом у храма, спасаясь от ветра.

– Вот и я, Арина.

– Опять напугал, боярин.

– Тебе не привыкать бояться. Далече идти-то?

– Нет, по посаду вниз к реке, там немного по улице. Я доведу до подворья и уйду, дальше сам.

– Мне что, в ворота стучать? На ночь их все запирают.

– Ворота открыты, пройдешь без препятствий. Посторонних людей не будет, только купец и его семья. Да ты оделся правильно, чтобы не выдать себя.

- Напомни, как купца зовут?
- Табанов Федор. Товарища его Еремея Коренева в доме точно не будет.
- Ладно, веди, холодно.
- Я пойду впереди, ты за мной.
- От кого прятаться? Метель людей в дома загнала.
- Мало ли, вдруг кто знакомый встретится, а это нам ни к чему.
- Ладно, будь по-твоему.

Так они и пошли. Впереди Арина Тучкова, за ней Михаил Федорович.

Вскоре Тучкова повела рукой в сторону больших ворот, справа и слева от которых тянулся дощатый забор, и пошла дальше, как ни в чем не бывало.

Михаил Федорович огляделся, никого не увидел, подошел к воротам, над которыми были установлены образа в киотах. Он толкнул массивную створку, она немного отошла. Михаил протиснулся в щель и прикрыл за собой створки.

Справа темнела избушка для сторожей, которых сейчас в ней, скорее всего, не было. Собак во дворе тоже не оказалось. Они лаяли где-то за домом, стоявшим посреди подворья. К нему вела дорожка, очищенная от снега.

Дом был обыкновенным для купеческого сословия. Четырехугольной формы, из бруса, который складывался мастерами так, что не оставалось ни малейшей трещинки для проникновения воздуха. При постройке не применялись гвозди, что очень удивляло иностранцев, приезжавших в Россию. Брус скреплялся зубцами и зарубами. Крыша была тесовая, покрытая березовой корой. На стенах вокруг окон резные узоры.

На крыльце с витыми столбиками стоял мужчина средних лет в тулупе.

Михаил подошел к нему и спросил:

- Купец Федор Табанов?
- Он самый, боярин.
- Дело у меня к тебе, купец.
- Знаю. Пройдем в горницу.

Они прошли в комнату, служившую для приема гостей. В красном углу образа, перед ними лампы, свечи.

Михаил, вытерев сапоги о рогожу, расстеленную перед дверью, перекрестился на образа, осмотрелся. На полу ковер, которых мало было и в московских домах. Вдоль стен лавки, покрытые тканью. Деревянный резной стол, застеленный скатертью, вокруг него тоже лавки. На окнах занавески. Скрыни, полки для посуды, всевозможные безделушки, среди которых деревянный лебедь с распущенными крыльями.

Хозяин дома одет в праздничную красную шелковую рубаху, широкую и длинную, подпоясанную узким ремешком. Порты из дорогого сукна заправлены в высокие сапоги.

– Откушать и выпить не желаешь, боярин? – спросил Табанов. – Есть пироги с мясом и рыбой, уха, копченая стерлядь, капуста квашеная. Пиво, хлебное вино, мед, квас. Что пожелаешь, то жена и принесет.

– Не надо ничего, Федор, благодарствую за приглашение. Но я пришел не трапезничать, а по делу.

– Об этом жена говорила. Только вот никак в голову взять не могу, какое у дяди наследника русского престола, брата царицы, вдовы самого Иоанна Васильевича Грозного, ко мне, какому-то купчишке, может быть дело?

– Да дело-то пустяковое, но ответь-ка сначала, Федор, согласен ли ты с тем, что с приездом Битяговского в городе порядка больше стало?

Табанов прищурился.

– Что-то ты мудришь, боярин. Тебе ли хвалить дьяка, который постоянно сует свой нос в дела вашей семьи?

- Но он же не по своей воле. Так повелел царь Федор на пользу Дмитрию.
- Ой ли? А я слышал, что царю Федору нет никакого дела до царевича, и наследником Дмитрия на Москве не признают. Люди говорят, что вместо Федора государством правит Борис Годунов через сестру свою, жену царя. Он метит на престол. Или это все брехня?
- Раз в народе так говорят, значит, не брехня.
- А если не брехня, то Дмитрий Годунову не нужен. Он ему мешает.
- Не боишься такие речи говорить?
- В своем доме мне бояться некого.
- Меня тоже страшиться не надо. Значит, к Битяговскому у тебя претензий не имеется?
- Да мне он что есть, что нет. Но коли дьяк верный человек Годунова, то тебе есть о чем подумать.
- На что намекаешь?
- Напекаю? Да упаси боже, просто говорю. Мы с товарищем моим Еремеем видели царевича, да и тебя тоже. Это когда он снеговиков-бояр саблей рубил, а потом его падучая свалила. Дмитрий малой еще, но видно, что в отца. Вот только хворь эта...
- Доктора ему советуют больше времени на воздухе проводить. Зимой, ладно, и двора кремлевского хватит, а летом надо погулять. В лес или в поле мы вывести царевича сможем, а вот по реке прокатить – нет. Посему я ищу человека, который сдал бы нам внаем судно для прогулок царевича по Волге. Приятельница жены твоей, кормилица Дмитрия, на тебя указала.
- Да судно-то найти можно, слава богу, не бедствуем, кое-что имеем. Ладью новую должны, как талая вода схлынет, подогнать. Водить ее далече надобности пока нет, так почему не отдать царевичу?
- Так, значит, будет судно?
- Придет в апреле месяце, в конце. Для сына Ивана Васильевича не жалко. Дорого мы с товарищем с вас не возьмем.
- Об оплате договоримся. Сколько скажешь, столько и получишь.
- Так я не против. Одно непонятно. Дело-то и вправду пустяковое, а прячешься ты как вор. Уж извини за прямоту, боярин. Почему так?
- Михаил Федорович был готов к этому вопросу.
- Я не зря о Битяговском спросил. Ты верно понял, я тебя проверял. Особого толку от этого нет, и все же. Тайно с тобой разговор веду потому, что дьяк может прознать про наши намерения и запретить водные прогулки. На суше, в лесу да в лугах он может людишек своих к нам приставить, на ладье же места им нет. А она способна уплыть так далеко, что не догнать.
- Да вы никак бежать собрались, боярин?
- Куда от Годунова убежишь?
- А вот я бы на вашем месте крепко подумал, безопасно ли царевичу и дальше жить в Угличе?
- В чем ты видишь опасность, Федор?
- В том же, в чем ты и царица. И не пытай. Скажу лишь, что ладья вам будет весной.
- Нам она в июне нужна.
- Тогда беспокоиться не о чем.
- А продать ее нам сможешь?
- Это смотря сколько предложишь.
- Повторяю, сколько скажешь, столько и получишь.
- Договоримся, отчего нет?
- Это хорошо. – Михаил Федорович забарабанил пальцами по столу. Табанов наклонился к нему и проговорил:

– Ты, боярин, не волнуйся, о худом не думай. Дьяк не узнает о нашем разговоре. Так и царице передай. Мы с товарищем за Дмитрия. Из него царь добрый выйдет, не такой, как сегодня. А самозванцам не место на троне.

– Посмотрим, насколько ты искренен.

– Я ж тебе перед иконой обещаюсь.

– Не обижайся, Федор, времена ныне такие, ходи да оглядывайся, доверяй, но проверяй.

Смутное время.

– Смутное время, боярин, еще впереди. Если Борис трон займет, то начнется свара. Да такая, какой Русь еще не видывала. Долгих лет царю Федору, но болезный он и слабый. Царевич Дмитрий мал, да удал, ему на Москве быть. Тогда по справедливости будет и народ бунтовать не станет.

– И многие так, как ты, в городе мыслят?

– Многие. Будь уверен. Товарищ мой Еремей по всей стране ездит, рыбу сбывает. Повсюду идут разговоры о том, что Борис метит на престол и не остановится ни перед чем, чтобы заполучить его. Людям же подобное не по душе. За Дмитрием большая сила. Но только за живым. За мертвым ее нет.

– Ну и наговорил.

– Ты спросил, я ответил, как уж мог. И запомни, боярин, Битяговского я не боюсь. Нужна ладья царевичу – будет. И народ на нее подберем хороший.

– А вот на этот счет отдельный разговор. Людей мы сами подберем.

– Ясно, почему ты разговор о купле ладьи завел. Вы все же решили бежать. Нет, ты не думай ничего. Я-то одобряю, да по реке вам далеко не уйти.

– Никто не собирается бежать! – повысил голос Нагой.

– Ну нет так нет. Не мое дело. Не шуми только, сам же просил, чтобы разговор наш никто не слышал.

– Значит, по рукам?

– По рукам, боярин.

Нагой и Табанов пожали друг другу руки.

– Теперь-то отужинаешь? – спросил купец.

– Нет, Федор, идти надо. Но перед тем как уйти, скажу, что беспокоит меня твой товарищ. Ведь без него, как я понял, ты ничего сделать не сможешь.

– Мой товарищ – человек надежный, раньше за Ивана Грозного стоял, теперь за сына его Дмитрия. Так же дьяка презирает, как и я.

– Ладно. Цену-то за ладью определи.

– Ты насчет найма или покупки?

– Я насчет того и другого.

– Ну тогда так. За наем с царевича дорого не возьмем, а то и даром дадим. Коли повредите судно, то ремонт оплатите, а коли покупать надумаете... Слыхал я, что Битяговский поприжал вашу семью в деньгах. Значит, поступим так. У тебя перстень, смотрю, золотой с большим камнем. Дорогой поди?

– Дорогой.

– Вот, если не против и обменяемся. Но коли деньгами, то цена та же, что и перстня твоего.

– Договорились. – Михаил Федорович поднялся с лавки, надел кафтан. – До прихода судна видеться не будем. Если что передать надо, то через жену и кормилицу. Встретимся, когда придет ладья.

– Пойдем, гость дорогой, провожу.

– Я и сам дорогу найду.

– Найдешь, конечно, только кто за тобой ворота закрывать будет да собак с цепей спускать? – Табанов накинул на себя тулуп, надел шапку, рукавицы, проводил Нагого до ворот.

Михаил Федорович вошел к сестре без стука, выдохнул, присел на скамью справа от нее.

– Уф, Мария, ну и погода, думал, назад не дойду, заметет. Сугробы на улице огромные, таких еще не бывало.

– Давай о деле, Михаил. Что за погода на улице, мне известно.

– Я обо всем с купцом договорился. – Михаил слово в слово передал вдовствующей царице свой разговор с Табановым.

Она внимательно выслушала его и задумалась.

– Что-нибудь не так, сестра? – осторожно спросил Михаил.

– Нет, ты все правильно сделал.

– Тебя смущает то, что купец сразу согласился помочь нам?

– Нет. Он ничего не теряет, помогая нам, а приобрести может многое. Если побег не удастся и Годунов учинит следствие, то в чем смогут обвинить этого торговца рыбой? В том, что он сдал нам внаем ладью? Или продал? Так на то он и купец, чтобы делать то, что выгодно.

– Но за наем он денег может и не взять.

– Это легко объяснить. Из уважения к царским особам. За такое не наказывают. В участии в заговоре его тоже не обвинишь. Обычная сделка. Почему Битяговскому не доложил? Так он и не обязан отчитываться перед дьяком. Так что в случае провала нашего дела Табанову ничего не грозит. А вот если на престол взойдет Дмитрий, то этот купец тотчас же напомнит нам о себе.

– Это если он завтра с утра не побежит к Битяговскому.

– Не побежит. Купцы народ расчетливый. От дьяка ему выгоды нет. Ну а коли побежит, то мы тут же об этом узнаем. Битяговский сразу явится к нам за объяснениями. Ничего, пусть. О чем мы просили купца? Всего лишь о найме судна для прогулок царевича по Волге. Они ему на пользу, это любой доктор скажет. Борискин посланец заподозрит заговор? Может. Только доказать не сумеет, а потому и докладывать Годунову не станет, не захочет получать нагоняй за то, что не разнюхал все, как следует. А нам придется обращаться к князю Губанову. Иван Петрович имеет сильные связи, поможет. Ступай, Михайло, ты сделал дело, отдыхай. Теперь очередь за Гришей.

Далее все шло по плану Марии Федоровны. Григорий проверил надежность Бояна Каратаева. Он попросил его организовать встречу в Сутнице с важным московским гостем, поставил смотреть за Битяговским слугу Ивана Михайлова и убедился в том, что дьяк не узнал об этом.

Боян понял, что его проверяли, но не обиделся, знал, что нужен Нагим для осуществления какого-то замысла, весьма серьезного и тайного. Он же привлек к делу и свою родню. Нагие решили, что братья Каратаевы пригодятся на судне и в обозе.

Не подвел и купец Табанов. Новенькая ладья прибыла в Углич в двадцатых числах апреля. Купец подтвердил сделку. Осталось окончательно договориться с князем Губановым, и можно было начинать реализацию плана.

К маю основные приготовления к побегу были закончены. Мария Федоровна успокоилась. Оставалось получить послание от князя Губанова, который обещал не только встретить и укрыть семью Нагих, но и снестись с польским двором, договориться о принятии царевича Дмитрия с родней в Кракове.

В субботу 15 мая 1591 года Дмитрий встал здоровым. С утра уже было жарко, и весь день обещал быть знойным, оттого в древнем городе Угличе было как-то слишком уж тихо.

Мария Федоровна взяла сына с собой в Спасо-Преображенский собор на обедню, которая продлилась почти до полудня.

Когда они вернулись к дворцу, Дмитрий увидел во внутреннем дворе своих товарищей и попросился:

– Мама, отпусти меня погулять. Вот и ребята ждут.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо! Голова не болит, слабость прошла. Я здоров, мама.

– Ладно, только подожди немного.

Царица позвала няньку Волохову, кормилицу Тучкову и постельницу Колобову.

– Царевич играть будет. Смотрите, чтобы не отходил далеко от крыльца, – наказала она женщинам.

– Да, царица, – ответила за всех Волохова.

Мария Федоровна осмотрела двор, поправила царевичу волосы и прошла во дворец.

Дмитрий подбежал к товарищам и спросил:

– Во что играть будем?

– Это тебе решать.

– В тычку. Ножички с собой есть?

– Есть, – ответил Петр Колобов, самый старший из ребят.

– Тогда проводи черту.

– Может, кольцо?

– Нет, сначала черту.

Колобов подчинился.

Дмитрий достал «сваю» – четырехгранный небольшой, но острый стилет.

– Кто кидает первым? – спросил Колобов.

– Пусть сначала Бажен Тучков, потом Ванька, Гришка, за ними ты, Петруша, а последним я.

Смысл игры сводился к тому, чтобы воткнуть свой нож в землю как можно дальше от черты.

На первый раз победил Петруша Колобов. Дмитрий уступил ему совсем немного.

– Еще раз? – спросил Колобов.

– Нет, теперь в кольцо.

Петруша начертил кольцо в стороне. Оно было маленьким, всего один вершок. Здесь побеждал тот, кто попадал в него. Если это делали несколько человек, то броски повторялись, пока не выявлялся победитель.

Порядок бросков Дмитрий определил тот же.

Все промахнулись.

Царевич взял «сваю» за рукоятку и неожиданно замер.

– Кидай! – крикнул Петруша.

Но царевич попятился и закричал:

– Осип, Никита, Данила, они... ножи... убить пришли.

Мальчишки оглянулись. Поблизости не было никого из тех, кого назвал Дмитрий.

Почуввав неладное, к царевичу пошла Арина Тучкова.

Лицо Дмитрия вдруг перекошилось, пальцы скрючились, «свая» выпала из рук. Он вскрикнул, упал на землю и забился в судорогах.

Ребята испугались и отбежали к крыльцу.

Возле царевича уже была Тучкова. Следом за ней к нему подбежали Василиса Волохова и Мария Колобова.

Дмитрий лежал навзничь, лицом в землю. Арина приподняла его голову, повернула ее, а затем стала укладывать царевича на спину. И тут из его шеи ударила кровь. Видимо, стилет

вонзился в шею, когда Тучкова поворачивала голову. Она прижала мальчика к себе и дико закричала.

Колобова отняла тело Дмитрия у Тучковой. На нее смотрели стекленеющие глаза ребенка, в которых застыли страх и боль.

Петруша Колобов бросился во дворец, где в это время обедала Мария Федоровна. Она услышала громкие крики. Страшная догадка пронзила ее мозг.

– Что? – выкрикнула царица.

– Беда. Царевич, играя ножичком, упал в припадке, порезал горло. Перед этим он крикнул, что Осип, Никита и Данила пришли с ножами, чтобы убить его, – прохрипел мальчишка.

Царица отбросила стол, выбежала во двор и бросилась к сыну, которого все еще держала на руках Колобова.

Завидев мать царевича, она закричала:

– Ой, виноватая, не уберегла, не усмотрела.

Но Мария Федоровна набросилась на Волохову:

– Ты и твой сынок Осип убили сына, сговорившись с дьяком?

Под руку ей попало полено. Царица стала бить им няньку.

Церковный сторож Максим ударил в колокол. Грозный набат, извещавший о несчастье, разнесся по городу. Многие угличане побежали к Спасо-Преображенскому собору, оттуда в Кремль.

Прилетели туда и братья Нагие.

Михаил, в последнее время опять начавший пить и сейчас не особо трезвый, схватил Петьку Колобова за шиворот.

– Отвечай, как все было! Да только правду говори, а то удавлю!

– Боярин, я уже рассказал царице...

– Что рассказал? Повтори.

– Перед тем как упасть, Дмитрий испугался сильно.

– Чего или кого он испугался? Не тяни, шенок!

– Осипа, Никиту и Данилу, сына дьяка. Но их во дворе не было.

– Но ты слышал, как Дмитрий назвал их имена?

– Мы все слышали – я, Бажен, Ванька Красенский, Гришка Козловский.

– А точно их не было? – Михаил сдавил шею мальчишки.

– Не видал. Больно мне!

– Тут будь!

Толпа, вбежавшая в Кремль и узнавшая, что погиб царевич, пришла в ярость.

Масла в огонь подлил нетрезвый Михаил Федорович:

– Дружки царевича признались! Дмитрия убили Осип Волохов, Никита Качалов да Данила Битяговский. А послал их дьяк.

Толпа взревела, бросилась на Василису. Появился Осип. Люди накинулись и на него. Он получил несколько увесистых ударов, вывернулся, побежал к храму, где и спрятался. Гнев толпы вновь обрушился на Волохову.

– К Битяговскому на подворье! Там он, Иуда, и сынок его убивец, и все это подлое семейство! – выкрикнул Михаил Федорович.

Дьяк не знал, что произошло в Кремле. В то время Битяговский с женой обедали у себя дома. С ними был священник Богдан.

Заслышав набат, дьяк воскликнул:

– Это что еще такое? Отчего бьют в колокол?

В комнату влетел Никита Качалов.

– Беда, – прохрипел он, задыхаясь.

– Что случилось?

– Царевич Дмитрий погиб.

– Как?

– Не знаю. Горло порезано. У дворца столпотворение, народу сбежалось тьма. Царица сказала, будто царевича убил Осип Волохов, тот сбежал, Василису, может, уже и забили до смерти. Еще...

– В Кремль! – крикнул дьяк.

Качалов так и не успел предупредить дьяка от опасности.

Тогда же в Угличе находились архимандрит Феодорит и игумен Савватий. Они служили обедню в монастыре, прибыли в Кремль и пытались усмирить толпу. Но ярость ослепляет и лишает разума.

Михаил Федорович подбежал к священнослужителям.

– Уйдите, а то и вас!..

Договорить он не успел.

– Хватит! Куда делся Осип? Сюда его! – крикнул кто-то.

– Вроде в храме он.

– За ним!

Толпа бросилась к собору, туда же поспешили и архимандрит с игуменом.

Толпа нашла избитого и испуганного Осипа, выволокла на улицу и потащила в Кремль.

Едва живая Василиса Волохова взмолилась:

– Царица, пощади! Мой сын не виновен, не вели казнить, проведи сыск, умоляю тебя!

Но Мария Федоровна будто не слышала слов бедной матери, указала на Осипа и заявила:

– Вот убийца Дмитрия.

Толпа набросилась на Осипа. Василиса потеряла сознание.

В это время в Кремль явился Битяговский с Качаловым, Данилой и небольшой свитой из верных людей.

Надо отметить, что все происходило быстро, стража была смята толпой. Стрельцы смогли лишь подойти к Кремлю, посадский люд остановил их. Те не знали, что делать. Приказ на усмирение бунта должен был отдать Битяговский, но он находился в толпе. А городского приказчика, который тоже мог это сделать, и след простыл.

Битяговский велел прекратить бить в колокол, но звонарь закрылся на колокольне. Набат не прекращался, поднимал все больше людей.

Тогда Битяговский спрыгнул с коня, бросился к толпе, избивавшей Осипа, и потребовал прекратить самосуд.

Дорогу ему преградил взбешенный, подогретый спиртным Михаил Федорович.

– Ты, пес? Сам прибыл? Да тут и щенок твой!

– Ты что, боярин? Ополоумел?

– Собака продажная! – Михаил ударил Битяговского кулаком в лицо.

Дьяк упал под ноги сына.

– Бей их! – взревел Нагой.

Отец и сын Битяговские бросились в дьячью избу, служебное здание, стоявшее в Кремле. С ними были Никита Качалов и Данила Третьяков, его товарищ, некстати оказавшийся у дворца.

Толпа выломала двери и вытащила их во двор, где забила до смерти.

Угличане растерзали виновников в смерти царевича, названных Нагими, но не успокоились. Они убили и всех людей, прибывших с Битяговским, однако этого оказалось мало.

– Весь род проклятый надо извести! На подворье дьяка, люди. Жену его и дочерей на суд праведный!

Толпа кинулась на подворье. Несколько человек схватили жену и дочерей дьяка и потащили в Кремль, остальные принялись грабить подворье, а поживиться там было чем. Бочки с

вином рубили топорами и тут же пили ковшами, все ценное забирали, что не смогли унести, разбивали.

Архимандрит и игумен наконец-то смогли повлиять на события. Они остановили посадских, тащивших в Кремль жену и дочерей Битяговского, спасли их от гибели.

Трупы убитых, всего пятнадцать, по указанию Михаила Федоровича были брошены в ров Кремля.

Тело царевича горожане перенесли в храм.

Обычно в это время Борис Федорович находился в Кремле, но сегодняшней день был воскресный, праздничный. После обедни правитель прилег отдохнуть. Но не успел он и задремать, как слуга сообщил о гонце из Углича.

Сердце Годунова учащенно забилося, он инстинктивно почувствовал тревогу. Там случилось что-то серьезное, раз Битяговский решил срочно выслать гонца. Он приказал провести посланца в отдельную залу, в ту самую, где когда-то принимал дьяка.

Гонец выглядел крайне изможденным, еле держался на ногах.

– Долгих лет тебе, великий боярин.

– Тебе того же. Кто ты?

– Василий Жданов.

– Что за весть принес, Василий?

– Очень плохую, боярин.

– Что велел передать Битяговский?

Гонец взглянул на Годунова и заявил:

– Нет больше ни Битяговского, ни сына его, ни племянника, ни их ближних людей.

– Что? – Годунов никак не ожидал такого. – Как это нет?

– Дозволь, боярин, глоток воды, в горле сухо.

Годунов подал знак. Слуга принес Жданову ковш кваса.

Тот выпил его чуть ли не в один глоток и заявил:

– Вчера после обедни во внутреннем дворе дворца был зарезан царевич Дмитрий. – Гонец передал фактическому правителю России письмо от городского приказчика Ракова, рассказал о том, чему сам был свидетелем. – Нагие обвиняют в убийстве тебя, боярин, говорят, что ты намеренно послал в Углич Битяговского, купил Волохову и других ближних к дьяку людей, чтобы те извели царевича, потому как Дмитрий мешал тебе взойти на престол.

– Какой престол? На троне царь Федор.

– Прости, боярин, говорю, что велено.

Годунов взял себя в руки, приказал дать гонцу место для отдыха, накормить, напоить его, сам же поехал в Кремль.

Царь Федор по своему мягкому характеру, не питал недобрых чувств к младшему брату по отцу, пусть и признанному незаконным.

Услышав о его гибели, он растерялся и прошептал:

– Его убили?

– Точно сказать не может никто.

Царь перекрестился на образа, не сдержался, заплакал.

– Ведь ему шел всего девятый год, ребенок еще.

– Я разделяю, государь, твою печаль и прошу высочайшего дозволения немедленно выслать в Углич людей для выяснения истинных причин смерти твоего брата, а также выявления виновных в кровавых событиях, последовавших после гибели Дмитрия.

Федор испугался.

– Что за события?

– Не хотел говорить, но придется. После гибели Дмитрия кто-то пустил слух, что его намеренно зарезали. Это подняло народ на бунт, в ходе которого были убиты дьяк Битяговский, посланный смотреть за Нагими, его сын, племянник и ближние им люди. В Угличе произошел самосуд. Это безнаказанным оставлять нельзя.

– Господи, спаси и сохрани. – Царь Федор опустился на колени перед иконостасом и начал истово молиться.

Годунов присоединился к нему.

Наконец они поднялись.

– Так каково будет твое решение, государь? – спросил Борис.

– Да, конечно, подбирай людей и отправляй их, подумай, не послать ли с ними стрельцов, дабы утихомирить Углич, не дать смуте распространиться на другие земли и города.

– Я сделаю все возможное, государь.

– Да и еще, Борис Федорович, надо бы выделить средства для торжественных, достойных похорон Дмитрия, довести до жителей Углича мою скорбь и печаль по поводу смерти брата.

– Это сделаю, государь.

– Я к Ирине, сообщу ей страшную весть.

– Ну а я за работу.

– Да, Борис Федорович, у тебя много дел.

Годунов вернулся домой. Ему надо было хорошенько обдумать эту сложную ситуацию.

Он велел никого не впускать к себе, сел в кресло и погрузился в размышления. Новость, доставленная гонцом, поначалу ошарашила этого коварного интригана, но сейчас он уже успокоился.

Главное в этой истории то, что Дмитрий мертв. Нагие совершили большую ошибку, допустив, а по сути спровоцировав и возглавив бунт. Эта промашка была на руку Годунову. В Угличе произошло то, о чем он даже и мечтать не мог. В один момент осуществились все его задумки. Дмитрий устранен с дороги. Те люди, которые должны были известить его, стали жертвой народного гнева.

Царь Федор повелел отправить в Углич людей, которые проведут следствие. Если Годунов единолично подберет их, то это будет выглядеть так, что он хочет замести следы своего участия в кровавых событиях. Ведь говорят же в народе, что Битяговский был послан в Углич для того, чтобы известить Дмитрия, а все грамоты, заявления о заботе царевича – ложь.

Посему следует немедля отправить в Углич верного человека, скажем, пристава Засецкого, поручить ему прояснить ситуацию и подготовиться к встрече тех людей, которые займутся следствием. А их назначение надобно поручить Боярской думе, дабы потом никто не мог упрекнуть Бориса в том, что и на этот раз он все устроил так, как ему выгодно.

Кто бы ни поехал в Углич, против брата царицы Ирины они ничего не найдут. Битяговский, посвященный в замысел устранения Дмитрия, мертв. Его сын и племянник, которым дьяк мог довериться, несмотря на запрет, тоже погибли. В живых нет никого, кто хоть что-то знал бы о его замыслах.

А вот Нагие не отвертятся. Для них все кончено. Кара за бунт, за убийства царских посланников, жестока. Ее не избежать ни Марии, ни ее братьям. Все складывается в пользу Бориса.

Остается один вопрос. Кто же убил Дмитрия? Битяговский не стал бы действовать без приказа, даже если бы ему и подвернулась такая возможность. Значит, не он. Тогда кто? Ведь гонец говорил, что Дмитрия зарезали. Да, это самый большой вопрос, ответ на который следует искать только в Угличе.

Если против него, Годунова, ничего не будет, то имя убийцы совершенно неважно. Лишь бы только оно прямо или косвенно не вело к Борису. Такого быть не должно.

Обдумав ситуацию, Годунов вызвал к себе пристава Засецкого. После разговора с Борисом тот сразу отправился в Углич.

Боярская дума собралась на следующий день, в понедельник 17 мая. Вопрос рассматривался один – трагедия, произошедшая в Угличе. Годунов предложил назначить руководителем следствия Василия Ивановича Шуйского, недавно вернувшегося из ссылки. Вот уже кого никак нельзя было назвать его человеком. Тот, напротив, слыл противником Бориса Федоровича. Годунов знал, кого предлагать. Ведь Шуйский, кроме всего прочего, до опалы, постигшей его в 1587 году, возглавлял Судебный приказ. Так кому, как не ему, поручить столь деликатное и требующее определенного опыта дело?

От церкви в помощь Шуйскому был определен митрополит Крутицкий Геласий. Он тоже выступал против брата царицы.

Но совершенно без своих людей Борис обойтись не мог. Посему в Углич должны были ехать окольничий Андрей Петрович Клешнин и думный дьяк Елизар Вылузгин, заведовавший Поместным приказом.

Пристав Засецкий въехал в Углич 18 мая, а на следующий день туда прибыл и Шуйский со своими помощниками.

Следствие началось с тщательного осмотра трупов царевича Дмитрия и всех тех, кто оказался жертвой толпы. Затем пошли допросы. Главными свидетелями стали мальчишки, которые играли с царевичем, а также Василиса Волохова, Арина Тучкова и Мария Колобова.

Допросу ребят Шуйский придавал особое значение. Один мог солгать, но четверо нет. Неправда всплыла бы. Как ни учи мальчишек, а при виде грозных следователей они станут путаться.

Петруша Колобов, Бажен Тучков, Иван Красенский и Григорий Козловский показали одно и то же. Упомянули они и о том, что в начале приступа Дмитрий, сильно испуганный, упомянул Осипа Волохова, Никиту Качалова и Данилу Битяговского. Называл их царевич только по имени, но было ясно, кого он имел в виду. На вопрос Шуйского, были ли эти трое тогда во дворе, все ребята ответили отрицательно. Мол, нет, но Дмитрий ясно крикнул, что у них ножи, убить хотят.

Тучкова подтвердила слова мальчишек. Она тоже слышала, как царевич назвал имена, хотя в тот момент ни Осипа, ни Никиты, ни Данилы во дворе не было. Не видела их и стража.

Осип появился позже, и на него набросилась толпа. Потом к дворцу подъехали дьяк Битяговский, его сын и племянник.

В итоге следствие установило, что Дмитрий погиб во время приступа падучей болезнью, накололся на стилет, когда упал на него.

После этого Шуйский занялся самосудом. Марию Нагую он допросу не подвергал, на то у него не было прав. Да вдовья царица и не желала общаться с ним, занималась подготовкой к похоронам сына.

Михаил Федорович отверг все обвинения в свой адрес, несмотря на то что десятки свидетелей показали, что именно он руководил расправой над Битяговским и его людьми. Боярин валил все на посадских, которые прибежали в Кремль, поднятые набатом колокола. Сам же он подумал, что начался пожар, выбежал во двор и увидел, как толпа расправляется с Битяговским, его сыном, племянником, Осипом Волоховым и другими людьми, которые сопровождали дьяка.

Григорий и Андрей Нагие дали похожие показания. Однако Василиса Волохова опровергла их. Она сказала, что царица Мария Федоровна и ее братья велели бить насмерть людей, которых во время гибели Дмитрия в Кремле не было.

Царевич был похоронен в Угличе в субботу 22 мая. Митрополит Геласий совершил отпевание и с подобающими почестями предал тело Дмитрия погребению в Спасо-Преображенском соборе.

24 мая, когда Шуйский еще находился в Угличе, в Москве случились сильные пожары. В народе тут же поползли слухи о том, что это дело рук людей Бориса Годунова, желавшего отвлечь внимание жителей столицы от беды, случившейся в Угличе.

Прошли волнения в Ярославле. Народ верил в то, что Дмитрия сгубил Годунов.

Это не могло не тревожить Бориса Федоровича, да еще в условиях, когда в набег на Москву уже двинулся крымский хан Казы-Гирей. Годунов добился, чтобы царь Федор выделил средства для восстановления сгоревших строений, а их было около десяти тысяч. Началось строительство, и Москва утихла. Удалось успокоить и Ярославль.

Сразу по возвращении из Углича на подворье Годунова тайно приехал Клешнин. Он должен был сообщить о результатах сыска брату царицы.

Борис Федорович встретил его на крыльце, провел в малую залу и заявил:

– Рассказывай все подробно, ничего не тая!

– Так, Борис Федорович, и таить-то нечего. Дмитрий погиб случайно. Он играл с мальчишками в тычку. Как начался приступ падучей, ножик выронил да на него горлом и упал. Когда кормилица подбежала да повернула его, Дмитрий уже умирал.

– Значит, он погиб случайно, и это многие видели?

– Мы нашли семь свидетелей. Восьмой – церковный сторож, ударивший в набат. Но он видел только кормилицу с умирающим Дмитрием на руках.

– Получается, что Дмитрий сам себя смертельно ранил во время приступа, так?

– Да, боярин.

– Но почему же тогда Нагие подняли город и устроили побоище? Как они смогли сделать это?

– А вот тут, Борис Федорович, есть загадка, которую разгадать нам не удалось.

Годунов поморщился.

– Что еще за загадка?

– Товарищи Дмитрия да кормилица Тучкова показали, что перед началом приступа Дмитрий выкрикнул имена Данилы Битяговского, Никиты Качалова и Осипа Волохова. Он заявил, что у них ножи и они пришли убить его. Хотя тут же было доказано, что никого из них в то время во внутреннем дворе дворца не было. Марии Федоровне о смерти сына сообщил Петр Колобов. Он сказал ей и об этих словах Дмитрия. Она бросилась на улицу, ударил набат, сбежался народ, объявились братья Нагие, прискакали Битяговский, его сын и племянник. Михаил Федорович указал на них, мол, вот убийцы, и пошло-поехало. Сам знаешь, как ведет себя толпа в ярости. Вот такие дела, Борис Федорович.

– Да, – проговорил Годунов. – Воистину загадка.

– Василий Иванович Шуйский допрашивал мальчиков по одному и вместе, в один день и в другой. Они говорили одно и то же. Не знаю, почему Дмитрий назвал убийцами тех, кого во дворе не было. Но разве это так важно, Борис Федорович? Мы сделали выводы о случайной смерти Дмитрия и о вине Нагих в убийстве Битяговского и других людей.

– Это так, но я терпеть не могу необъяснимых вещей. Что-то вы упустили. Но ты прав, Андрей Петрович, это уже не важно. Благодарствую за работу. Награду свою ты еще получишь. Пойдем, провожу!

Спустя некоторое время Борис отправился в Кремль. Не к царю, и не к царице. Он желал переговорить с придворным лекарем, датчанином Петером Кадсенем, учеником известного

Роберта Якоба и Элизеуса Бомелия. Если следователи не нашли разгадку, то, может быть, она кроется в болезни?

Кадсен оказался на месте, в палате, выделенной ему в царском дворце. Он был очень удивлен приходом Годунова.

Борис Федорович присел на скамью, тогда как Кадсен стоял и с некоторым испугом смотрел на всемогущего боярина.

– У меня к тебе такое дело, Петер, – начал Годунов. – Что ты знаешь о черной падучей хвори? Мне известно, что происходит с больными, как они падают, бьются о землю, хрипят и прочее. Я хочу знать, есть что-то необычное в их поведении непосредственно перед приступом, за мгновения до него?

– Насколько мне известно, перед приступом больные часто испытывают беспокойство, страх. Они бледнеют либо синеют, истекают обильным потом. У них наступает кратковременное расстройство сознания.

– А вот об этом подробнее, доктор.

– Как бы это понятней объяснить? В общем, больные могут видеть несуществующую опасность, слышать угрожающие речи, хотя рядом с ними никого нет.

Годунов облегченно вздохнул.

– Вот и объяснение.

– Что ты сказал, боярин?

– Ничего. Забудь об этом разговоре и свои познания о падучей оставь при себе. Держи язык за зубами, Петер. Ты же знаешь, как легко в России с ним можно расстаться.

– Знаю.

– Ты меня хорошо понял?

– А что понимать, боярин? Я о падучей знаю только то, что известно многим, специально болезнь не изучал, с тобой об этом не говорил, а приходил ты за обычным снадобьем от простуды.

– Верно. Молодец. Но предупреждение помни. Как и то, что Годунов слов на ветер не бросает.

– Это мне хорошо известно.

– Вот и ладно.

Годунов прошел в коридор, где задумался. Теперь ему было ясно, что Дмитрий перед приступом будто бы увидел Осипа Волохова, Никиту Качалова и Данилу Битяговского с ножами. Они намеревались убить его. Оттого он и закричал, ища спасения, назвал имена. Потом Дмитрий уронил нож на землю и упал на него. Кормилица бросилась к нему, приподняла голову и повернула ее в сторону. Вот тогда-то острие стилета и вонзилось в горло Дмитрия. Он умер. Петруша рассказал Марии о том, что Дмитрий назвал перед смертью убийц, которых не было. Это и вызвало ярость Нагих, в дальнейшем перекинувшуюся на толпу, убившую Битяговского, его сына, племянника, Осипа и других людей. Вот истина.

Следует ли говорить о ней? Или надо таить подробности гибели Дмитрия до тех пор, пока бояре и народ открыто не обвинят его в организации убийства? Лучше молчать. Это сильная защита. Она может и не понадобиться, но иметь ее стоит.

2 июня дьяк Василий Щелканов довел до важных государственных и духовных чинов отчет о расследовании, проведенном в Угличе. Патриарх Иов объявил, что царевич Дмитрий погиб случайно. Нагие были признаны виновными в недосмотре и поднятии бунта, жертвами которого стали невинные государевы люди, включая дьяка Битяговского.

Царь Федор отдал приказ немедленно доставить Нагих в Москву для проведения более тщательного расследования. Михаил и Андрей Нагих были подвергнуты пыткам и обвинены кроме убийства людей Битяговского еще и в поджогах столицы.

Марию Федоровну за недосмотр за царевичем отправили в Николовыксинскую пустынь, где она была пострижена под именем Марфа. Позже ее перевели в Горицкий Воскресенский женский монастырь.

Однако народ не поверил в то, что царевич Дмитрий сам случайно убил себя, считал убийцами Битяговского, его сына, племянника и ближних людей. Борис Годунов послал их в Углич и велел известить царевича.

В начале июня гибель Дмитрия и бунт в Угличе отошли на второй план. На Москву шло большое войско крымского хана Казы-Гирея. Уже 10 июня в стольный град прибыли гонцы, сообщившие о продвижении крымцев по Муравскому шляху. К 26-му числу орда пожгла посады Тулы, Серпухова и переправилась через Оку, являвшуюся основным оборонительным рубежом.

Князь Федор Иванович Мстиславский, руководивший главными русскими силами, спешно двинул войска к столице. Они прибыли к реке Пахра, правому притоку Москвы-реки.

Во главе обороны столицы встал Борис Годунов. Он приказал поставить гуляй-город между Серпуховской и Коломенской дорогами. Туда была стянута артиллерия, которой командовал Богдан Бельский. Полки Мстиславского стали у Коломенского.

4 июля крымцы ринулись на штурм гуляй-города. Их попытка овладеть крепостью на колесах не удалась. В это время Годунов пошел на хитрость и отправил к Казы-Гирею фальшивого перебежчика, да не холопа, а дворянина. Тот сообщил хану о тридцатитысячной рати, якобы собранной из поляков и прибывшей в столицу.

5 июля Казы-Гирей решил уйти обратно в Крым. Русские преследовали врага до Оки.

В мае следующего, 1592 года у царя Федора Ивановича и царицы Ирины Федоровны родилась дочь Феодосия. На семнадцатом году брака! Это событие стало неожиданным для многих и не особо радовало Годунова.

Глава 3

Весна 1593 года. Москва

От Земляного города в сторону Немецкой слободы шли двое молодых мужчин крепкого телосложения. Это были стрелецкий сотник Богдан Отрепьев и дворянин из Серпухова Прохор Жукан, только что назначенный к нему пятидесятником. Сегодня им выпал день свободный от караульной службы, которую стрельцы несли в мирное время, и Богдан с Прохором решили немного развлечься на Москве.

– Странное, Богдан, у тебя прозвище, – сказал Жукан на ходу.

– У тебя тоже не особо благородное.

– Прадеда моего звали Жук, от него и пошло.

– Ну а мы принадлежим к роду Нелидовых. Был в родне такой Давид Фарисеев, еще Ивану Третьему служил, от него и получил кличку Отрепьев. Уж за что, почему, неведомо. Может быть, провинился в чем, где-то опростоволосился, или великий князь просто пошутил. Но кличка прилепилась, и стал Давид Отрепьевым. Дед мой Матвей Третьяк служил в Боровском уезде. Дворовый сын боярский. К тому же сословию был причислен и отец мой. По совершеннолетию я получил поместье вместе со старшим братом Никитой Смирным. Вместе с ним и на службу поступили. А поместье в Галиче Костромской волости рядом с Железнодорожским Предтеченским Яковлевским монастырем.

Жукан усмехнулся и спросил:

– Монастырь мужской или женский?

– Мужской. В поместье покуда жена Варвара с сыновьями Юрием и Василием проживают.

– А чего на Москву не заберешь?

– Думаю по осени забрать. Дом к концу лета на подворье закончу и перевезу семью, землю же внаем сдам.

– Сколько лет старшему?

– А ты от рождения такой любопытный?

– Не хочешь, не отвечай.

– Ты о себе расскажи.

– Мне-то чего рассказывать? У родителей тоже поместье под Серпуховом, но дела худо идут. Жениться не успел, да и не хотел, не имею желания и сейчас. Если и женюсь, то на бабе пусть старше, но с достатком.

– Значит, ты человек расчетливый, да, Прохор?

– Да. Только вот как выпью лишку, так всю расчетливость и рассудительность в момент теряю. Вместе с памятью. Злой становлюсь, задиристый. А здоровья-то хватает, под руку не попадайся.

– Тогда чего мы решили к немцам в кабак пойти?

– А куда еще? Я не всегда принимаю лишку. Гляди, как задираешься по мелочи начну, веди из кабака на улицу. Тебя послушаю, мужик свой, да еще и начальник. Но ты про старшего сына не сказал. Ему поди тоже скоро на службу определяться?

– Рано еще. Ему двенадцать лет. Ох и умный мальчик. У меня родственники в Угличе служили, когда там бунт поднялся после гибели царевича. Так они говорили, что очень уж мой Юшка на царевича похож. И ликом, и статью, и даже повадками. Он на год старше убиенного царевича. Сейчас тому одиннадцать годков было бы.

Жукан огляделся и тихо спросил:

– Послушай, Богдан, а ты веришь слухам, будто царевича зарезали доверенные люди Годунова, которых тут же растерзала толпа?

– Кто его знает, Прохор, как там было на самом деле. Но родственники сказывали, бунт тогда поднялся нешуточный, даже стрельцы поначалу ничего сделать не могли. Да и потом тоже. Все само собой успокоилось, как Шуйский туда приехал и начал следствие. А сам ты-то как считаешь, гибель царевича Дмитрия случайна?

– Сам подумай, кому выгодна гибель царевича? Годунову. Сестра его, царица Ирина, дочку родила. Ей годик всего, а еле жива. Народу сказывают, что хворой родилась. Но дело не в этом...

– Ты думаешь, что Борис Федорович собственную племянницу изводит?

– Так люди говорят. На престол метит Борис Федорович.

– Так род Романовых права на него имеет.

– Кто бы ни имел, а царем скоро Борис Федорович Годунов станет.

– Да нам-то какая разница?

– Людей, недовольных Годуновым, на Руси слишком много. Как бы народ друг на дружку не пошел. Это страшно. Кровь прольется реками.

– Ну уж и реками. Ладно, Проша, поговорили и довольно. Вот слобода, а вон и кабак. Надо в лавке закуски какой-никакой прикупить. В кабаке-то еды никакой не держат.

– Я пару пирогов с собой взял. Этого хватит.

– Значит, глядеть за тобой надо, чтобы не напился?

– Как пойдет, Богдан. Но лучше уведи, даже если сопротивляться буду.

– Ну тогда не серчай, если малость покалечу.

– Ты не сильно. А то перестараться. Сам-то тоже по пьяному делу не особо спокойный!

Питейное заведение представляло собой одно большое помещение с проходом посередине до стойки, за которой на высоком табурете восседал кабатчик Николас Обертен и поглаживал пышные усы. Этот уроженец Голландии обосновался на Москве лет пять назад и тут же открыл питейное заведение. Он знал, насколько люди на Руси охочи до спиртного. Ему помогала супруга, худая, угловатая, но работающая Хелен.

День был выходной, народу много. Люди сидели на лавках за длинными столами, больше иностранцев, но хватало и местных.

Стрельцы выбрали себе место у самой стойки, рядом со столом, за которым о чем-то спорили литовцы. Их язык был знаком Отрепьеву, но они разговаривали так быстро, что он не мог понять, о чем шел разговор.

Он повернулся к стойке.

– Никола, а дай-ка нам две кружки пенника. – Обертен подозвал жену, она выставила перед стрельцами, пришедшими сюда в обычной одежде, кружки с хлебным вином.

Жукан достал пироги, протянул один Отрепьеву.

– Держи, сотник. С капустой. Люблю их, а ты?

– По мне лучше с яйцом и луком, но и с капустой ничего.

Стрельцы выпили по паре глотков.

Жукан взялся за пирог. Тут один из соседних литовцев вдруг схватил своего земляка за грудки и толкнул к проходу. Тот зацепился за торец лавки и загремел прямо на стол стрельцов, опрокидывая их посуду.

– Ах ты, черт нерусский, – закричал Жукан, облитый пенником. – Куда прешься? – Он толкнул литвина со стола и заявил второму: – Вы чего творите? Не дома! Там себе такое не позволяете, а у нас можно?

– Ты пьешь, мужик? Вот и пей! Не в свое дело нос свой сопливый не суй! – прорычал тот.

Тут уж возмутился Богдан:

– Ты кому это говоришь, собака?

– Тебе, русская свинья!

Отрепьев стерпеть этого не мог, почти без размаха ударил кулаком в физиономию литовца. Тот перелетел через соседний стол, ногами сбивая посуду.

Видя такое дело, Хелен тут же скрылась из зала, кабатчик же попытался остановить начинающуюся свару. Но куда там.

Местные мужики словно ждали этой минуты. Они встали из-за столов и бросились на иноземцев, несмотря на то, что те продолжили сидеть тихо. Русским нужна была драка. В ней активно участвовали и стрельцы.

Никто не обратил внимания на того литовца, которого сбил с ног Богдан. А он оказался у него за спиной, схватил со стойки кабатчика нож и всадил его под лопатку Отрепьеву. Тот охнул, изогнулся и рухнул на пол.

Жукан бросил молотить полного поляка, бросился к сотнику. Тот был мертв.

Убийца же попытался уйти черным ходом, но ему помешала Хелен, за какой-то надобностью вдруг оказавшаяся в узком проходе.

Жукан набросился на него, вытащил обратно в зал и крикнул:

– Мужики, литвин стрелецкого сотника зарезал. Бей его, собаку!

Услышав об убийстве, да еще стрелецкого начальника, народ поспешил ретироваться. Однако кто-то позвал пару стрельцов, которые находились поблизости и были вооружены. Те вбежали в трактир. Избитый до беспомыслия убийца лежал рядом с жертвой.

Весть о смерти стрелецкого сотника дошла до Галича через неделю, когда Богдана Отрепьева уже похоронили. Варвара Отрепьева собралась в Москву. Юрий напросился вместе с ней. Василий оставался под присмотром няньки, нанятой на время. Варвара ехала проведать могилу мужа и получить в приказе бумагу о его смерти. Она имела право на пособия и льготы.

К началу июня мать и сын приехали в Москву. Они шли по площади, забитой народом.

Молодой человек в простой одежде едва не столкнулся с Варварой, еле успел отпрянуть в сторону.

Женщина от неожиданности вскрикнула. Сын встал перед ней. Мальчишка был готов защитить мать.

Молодой человек вдруг побледнел и пробормотал:

– Царевич? Господи, спаси и сохрани! Как же это?..

– Ты чего несешь-то? – придя в себя, спросила Варвара. – Какой еще царевич? Отрепьевы мы из Галича. Батюшка наш Богдан помер тут.

– Да, конечно. Обознался я, виноват, простите. – Молодой человек скрылся с глаз.

Варвара лишь пожалала плечами, а вот Юрий же запомнил эту встречу.

Молодой человек выждал за углом некоторое время и пошел следом за ними.

В доме князя Ивана Дмитриевича Харламова, стоявшем на Якиманке, в данный момент гостил Иван Петрович Губанов, служивший царским наместником в Новгороде. Он обладал тем же высоким титулом. Князья видели, что Борис Годунов узурпировал власть. Они симпатизировали Романовым, считали их законными наследниками русского престола после гибели царевича Дмитрия.

Хозяин дома и гость позавтракали и перешли в большую горницу, где устроились в деревянных креслах, покрытых красной яркой материей.

– Так ты, Иван Петрович, говоришь, что и тебя не обошло следствие по Угличскому делу? – спросил Харламов.

– Не обошло. Мария Федоровна собиралась бежать в Новгород вместе с семьей. Я обещал помочь, потому как понимал, что Дмитрий стоит на пути Годунова к престолу и тот готов его

известии. В июне Нагие с царевичем должны были уйти из Углича. Я подготовил все для их приема, тайно встретился близ Киева с Константином Константиновичем Острожским.

– А чего с ним?

– Мария Федоровна считала небезопасным оставаться в России, просила меня договориться о предоставлении ей убежища в Польше или Литве. Она надеялась вылечить там сына от черной немочи. Но как все вышло, ты и сам знаешь.

– Знаю и считаю, что выводы князя Шуйского не соответствуют действительности.

– Думаешь, Дмитрия все же убили?

– А у тебя другие мысли?

– По-моему, гибель царевича – случайность, не время было Годунову изводить Дмитрия. Но то, что дьяк Битяговский со своими людьми был послан в Углич для убийства царевича, очевидно. Годунову нужны были верные люди возле Нагих, чтобы убрать Дмитрия в нужное время. Но не тогда, два года назад.

– Может, ты и прав. Ну, а что, по-твоему, дало расследование?

Губанов пожал плечами.

– Да ничего особенного. Я ждал чего-то подобного, ибо скоро узнал обо всех обстоятельствах трагедии.

– При дворе Марии Федоровны состоял на тайной службе некий Андрюша Холодов. Верный Нагим человек. Он являлся гонцом, через которого мы с Марией Федоровной вели переговоры. В тот проклятый день Андрюша находился во дворце. Его не должен был видеть никто, особенно люди Битяговского. Посему на улицу он почти не выходил, сидел в комнате, откуда был виден внутренний двор, своими глазами видел, как забился в припадке Дмитрий и к нему бросилась служанка. Никого из людей, обвиненных Нагими в убийстве, на тот момент во дворе не было. Только ребятня, что постоянно с ним играла, нянька, кормилица, постельница и поодаль стража Стрелецкого приказа. Как только Михаил Федорович повел толпу на растерзание Битяговского с сыном и племянником, Андрюшка понял, что оставаться во дворце – значит пропасть, забрал коня и ушел из Углича. На третий день он был у меня, отдохнул, все рассказал. Я его спрятал и оставил при себе.

– Это тот молодой человек, которого ты отпустил погулять по Москве?

– Да. Здесь его никто не знает.

– Ну и что было дальше?

– Вскоре верный человек сообщил мне, что в Новгороде тоже будет вестись следствие по подготовке побега Нагих из Углича. Я ждал этого. Наивно было думать, что под пытками Михаил Федорович и Григорий не укажут, что побег такой готовился и я в нем принимал самое активное участие. Так и вышло. Дело закрутилось в середине июня. Годунов считал это дело весьма серьезным, поэтому прислал ко мне тех же людей, что и в Углич. Встретил я князя Василия Ивановича Шуйского. До чего же скользок! Но вот улики против меня у него не было никаких. Мало ли что под пыткой наговорил Михаил Федорович. На дыбе скажешь все, что надо следствию. Естественно, я отказался от какого-либо участия в подготовке Нагих к побегу, заявил, что Мария Федоровна не обращалась ко мне за помощью. Для пущей убедительности пришлось мне подвести к подворью своих людей. Отряд у меня большой, подготовленный, хорошо вооруженный. Стрельцам не уступает.

– Так ведь теперь нельзя держать свои отряды.

– Это вам здесь. А мы должны выставлять войско для обороны города и пополнения государевой рати. Пробыли у меня московские гости недолго. Говорили с прислугой, допрашивали моих ближних людей. Ничего не нашли. Так ни с чем и вернулись на Москву. Шуйский прилюдно извинения мне принес. Дело закрыли.

– Это потому, что влияние у тебя большое не только в Новгороде, но и на Москве. Кого другого мигом подвесили бы на дыбу. Тебя Годунов тронуть не посмел, а это что означает?

– И что же?

– То, что злобу он к тебе затаил. Теперь в Новгороде за тобой его людишки присматривать будут.

– Его людишек мои в оборот возьмут. Но если Годунов заполучит трон и царскую власть, а к этому все и идет, то придется мне несладко.

– Это уж точно. И что делать будешь?

– Рано гадать, Иван Дмитриевич. На престоле царь Федор, еще в силе Романовы, чьи притязания на престол законны.

– Жди расправы и над Романовыми.

– Думаешь, Борис и на то решится?

– Он решится на все, дабы заполучить шапку Мономаха.

Дверь горницы приоткрыл слуга:

– Прошу прощения. К князю Губанову его человек по прозвищу Холодов просится.

Говорит, что дело очень срочное.

– Пусть войдет. – Харламов повернулся к Губанову. – Один с ним поговоришь? Я выйду.

– От тебя, Иван Дмитриевич, у меня секретов нет, да и ничего такого тайного у Андрюшки быть не может.

В горницу вошел молодой человек, перекрестился на образа.

Харламов указал на длинную лавку вдоль всей стены.

– Садись. Запыхался-то как. Бежал, что ли?

– Было такое дело.

– Отдышись и говори с князем.

– До сих пор не могу прийти в себя. Шел я от Земляного города к реке, едва не столкнулся с какой-то бабой, отшатнулся от нее и увидел, что с ней... царевич Дмитрий!

– Что? – в изумлении воскликнул князь Губанов.

– Юноша, мальчишка еще, как две капли воды похожий на покойного царевича. Уж я-то хорошо знал его. Я остолбенел и промямлил, мол, царевич? Баба шарахнулась от меня, видать, приняла за вора или разбойника, а юноша тот вперед вышел, защищать ее. Вылитый Дмитрий. Тот же овал лица, все черты, стать, рост, а главное, глаза. Баба пришла в себя. Дескать, какой царевич? Отрепьевы мы из Галича, батька наш Богдан помер тут. Я отошел в сторону, а потом за ними. Они к Земляному городу. Стрельцы пропустили их. От них я про Богдана и узнал, дал по алтыну. Был такой сотник Отрепьев Богдан. Это тот, которого в драке в кабаке немецкой слободы резал литвин. Тому уже недели две.

Губанов взглянул на Харламова. Тот молча кивнул.

Губанов повернулся к Холодову.

– Значит, говоришь, сын этого Отрепьева убиенного весьма похож на покойного Дмитрия?

– Не отличить, князь.

– И лет ему столько же, сколько ныне должно было быть Дмитрию?

– Может, чуть постарше.

– Отрепьевы эти приехали на могилу мужа и отца из Галича?

– Да, из волости на могилу, что на ближнем от Земляного города кладбище.

– Так-так-так. – Губанов поднялся, прошелся по горнице, скрипя новыми сапогами.

– О чем думы, Иван Петрович? – поинтересовался хозяин дома.

– Да о юноше этом.

– Да мало ли людей, похожих друг на друга, на Москве встретить можно? Я вот давеча обознался. Ехал по улице, глядь, брат двоюродный идет, один в один Николай. Окликнул, нет, не он. Таких случаев много.

– Не спорю. Но одно дело – просто похожие люди, и совсем другое – царевич.

– Не понимаю.

– Позже объясню. – Губанов повернулся к Холодову. – Ты, Андрюша, отдохни, перекуси и ступай к стрельцам. Вот возьми. – Князь передал слуге мешочек с серебром. – Узнай про Отрепьевых все, что сможешь. Где обретаются в Галиче, если рядом с ним, то в какой деревне. Чем занимаются, на что живут, кто еще в семье, когда собираются возвращаться. Скажи, что родственники они твои. Мы, мол, в ссоре, хотел замирился, ехать к ним, а они сами тут объявились. Ты знаешь, как и что делать.

– Не сомневайся, князь, управлюсь. С деньгами на любой вопрос ответ найти можно.

– Ну так давай. Поешь и отправляйся. – Губанов обернулся к хозяину подворья. – Покормишь человека?

– Что за вопрос, Иван Петрович, пусть идет на кухню да скажет, что я велел накормить, а потом в свою комнату. Там отдохнет.

– Не до отдыха, – ответил Холодов, – сначала дело сделать надо, бока отлеживать потом буду.

– С Богом, Андрюша.

Молодой человек вышел из горницы.

– Так зачем тебе этот юноша, так похожий на царевича, Иван Петрович? – тут же спросил Харламов.

Князь Губанов опустился в кресло, устроился поудобнее.

– Представь себе, Иван Дмитриевич, что через какое-то время по России, особо по Москве, слух пройдет, будто в Угличе наймиты Годунова убили вовсе не царевича. Дмитрий жив-живехонек.

– Как это жив? Шуйский и его помощники своими глазами труп видели.

– А что, если это был труп не Дмитрия?

– Кого же?

– Это еще обдумать надо. Но вот пойдут разговоры, дескать, людишки Годунова по его приказу извели не царевича, а другого мальчика, очень похожего на Дмитрия?

– Но Андрюша твой рассказал, что царевич погиб случайно.

– Так и было. Но то быль, а то слухи. И разнесут их люди быстро. Повсюду только об этом и будут говорить.

Харламов задумался ненадолго, потом сказал:

– А ведь поверят в сказку, Иван Петрович.

– Еще как, Иван Дмитриевич, поверят. Такой у нас народ. Люди встрепаются. Мол, а где же настоящий Дмитрий Иванович, наследник престола? Как от гибели ушел, кто спрятал его? Ответы на эти вопросы придумать нетрудно. И Годунов ничего поделывать не сможет. Понятное дело, он пошлет своих псов искать, откуда у слухов ноги растут, да не найдут они ничего.

– А смысл во всем этом?

– Смысл же, Иван Дмитриевич, в том, чтобы пошатнуть положение Годунова. Сейчас у него только Романовы на пути к престолу, сила немалая, но открытая, уязвимая. Долго ли кого-то из них объявить изменником да весь род известить? Так, я уверен, Борис и собирается сделать, считает, что других соперников у него нет. А тут вдруг слухи о Дмитриии, а потом и он сам!

– Ну ты и закружил, Иван Петрович!

– Может, говорю сбивчиво. Обдумать все надо. Не случайно Андрюшке подвернулся юноша как две капли воды похожий на убиенного царевича. Его нам сам Господь послал.

– Да, слухи распусть нетрудно. А вот как потом этого поддельного Дмитрия открыто выставить? Сейчас он еще мал, для борьбы с Годуновым за трон слабоват.

– Я знаю, как вывести против Годунова этого сына стрелецкого сотника, убитого в кабаке. Даже если Борис возьмет трон, то просидит на нем недолго. Тут поддельный Дмитрий сыграет немаловажную роль, а то и сам на царство взойдет.

– Ты его к себе забрать хочешь?

– Нет, сейчас это делать нельзя. А вот надзор за ним установить надо. Но это дело Андрюши. По-моему, у него в Галиче какие-то родственники живут. А нет, так я его там пристрою.

– Не посчитай назойливым, Иван Петрович, но коли можешь, то скажи, как собираешься выставлять в свет этого вот ложного Дмитрия?

– Мария Федоровна желала покинуть Россию вместе с царевичем, просила меня о помощи в том, ненапрасно опасалась за жизнь Дмитрия. Она, конечно, надеялась на излечение царевича от падучей немочи, но главное – защита и поддержка короля польского, шведского с недавнего времени и великого князя литовского Сигизмунда Третьего Вазы. Он достойно принял бы Дмитрия. Нагие получили бы надежду на то, что Дмитрий по смерти Федора Ивановича займет российский престол. Конечно, Речь Посполитая взамен потребует многое. Но обещать можно что угодно. Лишь бы трон занять да избавиться от ненавистного Годунова. А тогда и аппетиты Сигизмунда поубавить. Мало ли, что обещано. На то рассчитывала Мария Федоровна. Но царевич погиб, и все замыслы Нагих рухнули. А тут появляется юноша, схожий с царевичем. Так почему бы не объявить его Дмитрием, выжившим по Божьему соизволению? Тогда позиции Годунова ослабятся настолько, что ему даже мечтать о троне и о каком-то влиянии в государстве не придется. Лучше забрать жену и детей и бежать из Москвы, пока вороги не достали. А их Борис нажил немало. Значит, пока посмотрим за сыном стрелецкого сотника, чем заниматься будет, пойдет ли по пути правильному или опустится до голи кабацкой. Коли все хорошо пойдет, то займемся им всерьез. Для этого и люди есть тут и в Польше, и деньги найдутся. На такое дело их не жалко. Вернутся сторицей.

– Это да, – проговорил Харламов.

– А скажи мне, Иван Дмитриевич, возможно ли побольше, чем Андрюша, узнать о роде Отрепьева?

– Вполне возможно. Попросить дьяка Посольского приказа Афанасия Ронжина, он всю родословную Отрепьевых выложит.

– Посольский приказ этим не занимается.

– Да, но у дьяка много знакомых людей и в других приказах.

– А не болтлив ли этот Афанасий Ронжин?

– До чего же ты, Иван Петрович, дотошен. Правильно, приветствую. А дьяк язык за зубами держать умеет и работать будет рьяно, если получит за это достойно.

– Об этом не беспокойся.

– Я не беспокоюсь, могу и сам оплатить. Ты только потом товарища старого не забудь, как должности при дворе нового царя делить будут.

– Никто ничего не забудет, Иван Дмитриевич, ни хорошего, ни плохого. Как быстро можно узнать об Отрепьевых?

– Да сегодня и можно. Надо встретиться с дьяком, обговорить то, что нас интересует, заплатить. К вечеру все, что нужно, у нас будет.

– Сколько надо заплатить дьяку?

– Рубля четыре довольно будет.

– Столько получает рядовой стрелец за год.

– За молчание платят и больше.

– На дыбе никто молчать не будет.

– Это так, но умные люди не допускают попадания под подозрения. Работают аккуратно, осторожно. Таков дьяк Ронжин.

– И как встретиться с ним?

– Пошлю в приказ холопа, попрошу Афанасия Мартыновича срочно зайти.

– Он все бросит и придет?

- Придет, Иван Петрович. Знаешь, иногда очень полезно платить людям деньги.
 - Хочешь сказать, что дьяк у тебя на содержании?
 - Не только он. Ну что, посылать холопа?
 - Да. Деньги дам.
 - Сочтемся.
 - Но дьяк не должен видеть меня.
 - Само собой.
- Харламов вызвал холопа, дал ему поручение. Тот ушел.

Через час с небольшим слуга доложил о прибытии дьяка Посольского приказа Афанасия Мартыновича Ронжина.

- Проси, – сказал князь.

Мужчина средних лет с каким-то унылым видом, прыщавым лицом, но умными, хитрыми глазками поклонился Харламову.

- Доброго здравия, князь!
- И тебе, Афанасий.
- По какой надобности звал?
- Тебе прозвище Отрепьев о чем-нибудь говорит?
- Недавно стрелецкого сотника Богдана Отрепьева на Немецкой слободе зарезали.
- Вот. А кто он был? Родственники? Где жил до службы? Какие связи?
- Чтобы это узнать, требуется время.
- До вечера.
- Отчего такая срочность?
- Хочу его вдове помощь оказать. Ты меня понял?

Дьяк криво усмехнулся.

- Как не понять? Благое дело.

– Думай как хочешь. Мне нужно к вечеру все знать о семье Отрепьевых, что проживает в Галиче Костромском. А чтобы работалось споро, вот тебе рубль. Как дело сделаешь, еще три получишь.

– Благодарствую, князь. Значит, семья покойного стрелецкого сотника Богдана Отрепьева из Галича Костромского?

- Да.
- Коли вечером поздно зайду?
- Заходи. С Богом, Афанасий.

Дьяк ушел.

В горницу вернулся князь Губанов.

- Поговорил я с дьяком, вечером будут известия, – сказал ему хозяин дома.
- Вот и хорошо.

Слуга доложил о прибытии Холодова и пустил его в комнату.

- Что узнал, Андрюша?

– На Москву действительно приехала вдова сотника Отрепьева со старшим сыном Юрием. Были они у головы стрелецкого приказа, поговорили с ним, после их проводили на кладбище, на могилу. Там пробыли недолго, уехали к родственнику. Это Никита Смирной, брат убитого сотника. Вроде как уезжать пока не собираются.

- Надо бы присмотреть за домом родственника.
- Сделаю.

– А как уедут, то и тебе дорога в Галич. Ты ступай пока, а ближе к вечеру пройдишь до родственника.

- Да, князь.

Вечером, как и обещал, пришел дьяк Ронжин.

Князь Харламов опять встречал его в отсутствии новгородского гостя.

– Садись, дьяк, устал поди.

– Есть немного.

– Что прознал?

Ронжин присел на лавку и проговорил:

– Да ничего особенного. Предки Отрепьевых появились на Руси из Литвы, принадлежат к небогатому роду Нелидовых. Прозвище «Отрепьев» идет со времен правления великого князя Ивана Третьего.

– Это неинтересно. Ты мне про сотника сказывай, про семью его, родственников на Москве.

– Богдан поступил на службу вместе со старшим братом Никитой Смирным. Отец их должен вызвать твой интерес.

– Кто он?

– Замятня, сын Третьяков. Он состоит при Годунове, чина не имеет. Знающие люди говорят, что Борис его не просто так в тени держит. Так что непростая семейка, эти Отрепьевы. У них на Москве еще свояк живет, дьяк Семейка Ефимьев. Богдан быстро до сотника дослужился, пошел бы выше, коли бы не случайная гибель. Вдова его Варвара живет в поместье у Галича. Рядом вотчина боярина Федора Никитича Романова – село Домнино и починок Кисели. Десять верст всего. Отрепьевы имеют доступ в вотчину Романовых, там их принимают, как часто и почему неведомо. В общем, и на земле семья сидит крепко, и на Москве связи имеет.

– А сколько лет старшему сыну убиенного сотника?

– Двенадцать.

– Ладно, уговор у нас был, ты его выполнил, забирай три рубля. Заработал. Коли еще что нового по Отрепьевым прознаешь, сразу мне поведай.

– Добро, князь. – Дьяк забрал деньги и подался восвояси.

В горницу вошел Губанов.

– Слыхал? – спросил Харламов.

– Слыхал. Ты гляди, этот Юрий всего на год старше Дмитрия. Разница невелика. А откуда у Отрепьевых доступ в Домнино?

– Думаю, через отца. Этот Замятня наверняка знаком с Федором Никитичем Романовым.

– Не выпить ли нам за ужином?

После трапезы с обильным возлиянием Губанов направился в покои, отведенные ему в большом доме Харламова.

Мысли о Юрии Отрепьеве лишали его покоя. Игра, в которую он, по сути, уже вступил, была смертельно опасна. Но победа в ней открывала Губанову такие возможности, о которых он до поездки в Москву и мечтать не мог. Думы перебивали хмель. Этой ночью Губанов спал плохо.

Утром он узнал, что забежал Андрюша и просил передать, что Варвара Отрепьева с сыном неожиданно выехали из Москвы. Холодов последовал за ними.

Вдова сотника Богдана Отрепьева поспешила вернуться в Галич. Там, в деревне Смертино, стоявшей рядом с большим селом Покровское, ее ждал младший сын Василий. Юрий не хотел уезжать, ему понравился большой столичный город, но он слушал мать во всем.

За Москвой Юрий вспомнил случай с незнакомым молодым человеком.

– Мама! – позвал он дремлющую Варвару.

Та очнулась и спросила:

– Что, сын?

- Ты помнишь, как мы столкнулись с человеком, который испугал тебя?
- Тот, который сам опешил?
- Ага!
- А ты-то чего его вспомнил?
- Почему он назвал меня каким-то царевичем?
- Потому, наверное, что ты похож на несчастного Дмитрия.
- Почему несчастного? Разве царевичи могут быть несчастными? Ведь у них есть все.

Дворцы, палаты, слуги.

- Несчастный, сынок, потому, что погиб рано. Два года тому это было.
- Как погиб? Умер от хвори?
- Разное, сынок, говорят. Подрастешь, узнаешь.
- Значит, я на него сильно похож?
- Я не видела царевича, но коли человек так оторопел, то, наверное, похож. А почему тебя это так заинтересовало?
- Да я так просто. А этот Дмитрий должен был стать царем?
- И об этом рано говорить.
- Ну вот всегда ты так. Рано, малой еще. А Иван Васильевич Грозный, я от мужиков слышал, в тринадцать лет уже неугодных бояр казнил, всей Русью правил.
- Ты больше их слушай, они и не такого наговорят.
- А что, не было такого?
- Не знаю, – не стала говорить правду Варвара. – Мне о том неизвестно. Ты лучше поспи, дорога у нас длинная.

Юрий вздохнул, посмотрел на поля, повернулся к матери.

- Как мы теперь без отца будем?

Варвара смахнула слезу.

- Проживем, не бедствуем. Ты учиться начнешь, пора уже.
- А зачем?
- Как зачем? Чтобы добиться положения, получить хорошую службу, подняться над другими. Вот дед твой очень умный, потому и близок к самому Годунову. Свояк наш, Семейка Ефимьев, тоже на службе в столице. Да и Никита Смирной там.
- И где же мне учиться?
- Пока дома. Читать и писать я тебя научу, а потом посмотрим.
- А вот царевичу учеба ни к чему.
- Варвара впервые за последние дни улыбнулась.
- Ошибаешься, Юшка. Царевича учат с малолетства, да весьма многому. Царевич должен несколько иноземных языков знать.

- А на что они ему?
- На то, чтобы с послами, королями да князьями речи вести.
- Когда же играть?
- Всему свое время, сын. Хватит разговоров. Я посплю, умаялась что-то.

Повозка катилась по дороге. Верстах в трех за ней шла другая, нанятая Андрюшей Холодовым.

Как Варвара и говорила, по приезде она занялась обучением сына. К ее удивлению, Юрий быстро освоил чтение, письмо, счет. Он не тяготился этим.

Варвара могла заниматься обучением сына не более двух-трех часов. Остальное время он помогал матери по хозяйству, в двенадцать лет выполнял на подворье мужскую работу. Впрочем, тогда дети росли и крепили гораздо быстрее, нежели теперь. Одно то обстоятельство, что совершеннолетие на Руси в то время наступало в пятнадцать лет, говорит о многом.

Управившись по хозяйству, Юшка отправлялся в соседнее село Покровское к своим сверстникам. Нельзя сказать, что он был среди них заводилой, но и последним не плелся. По разумению стоял выше всех, однако не выставлял этого напоказ. Он подсознательно ощущал, что его жизнь должна измениться.

Осень прошла в учебе, в заботах по хозяйству, в обычных делах. Варваре с трудом удавалось удерживать тот уровень жизни, который был при муже, хотя запасов на зиму хватало. Дать сыну хорошее образование мать тоже не могла. Что знала, тому научила. Юрий свободно читал Писание, псалмы, мог написать челобитную, сделать несложные арифметические расчеты, но и все. А этого мало.

Андрюша Холодов поселился в Галиче у родственника, кузнеца Игната Саранова. Его жена Ольга была знахаркой, весьма известной в городе.

Кузнец был не рад родственнику. Он имел обширное подворье, большой дом, но и семья у него была немалая, шестеро детей. А тут еще и Андрюша, сын двоюродного брата, давно помершего. Однако Холодов тут же выложил на стол десять рублей. Кузнец сроду не видывал таких денег, и его отношение к родственнику сразу же изменилось.

Андрюша получил комнату в пристройке, купил коня. Саранов поинтересовался, чем собирается заниматься племянник, но тот ушел от ответа. Семье кузнеца он не мешал, с утра уезжал куда-то, возвращался затемно.

Андрюша ездил в Покровское, оттуда в Смертино, где смотрел за подворьем Отрепьевых. Сообщать своему новгородскому хозяину было нечего. Семья жила обычной провинциальной жизнью.

Юрий и Андрюша встретились в январе девяносто четвертого года.

В погожий воскресный день Варвара с сыновьями пошла по обыкновению в церковь села Покровского. После службы Юрий остался в кругу сверстников. Они вышли на околицу, где занялись потешным боем на саблях, сделанных из ивовых прутьев.

Андрюша подъехал к ним, поглядел на их забавы и рассмеялся. Он сделал это намеренно, решил, что пора познакомиться с Отрепьевым.

– А это кто такой? – воскликнул тот.

Игра прервалась. Мальчишки недружелюбно уставились на незнакомца.

– Погодь, ребята, – сказал Юрий, – кажется, я знаю этого мужика. – Он подошел к Холодову и спросил: – А не с тобой ли мы встречались на Москве?

Холодов соскочил с коня, улыбнулся и ответил:

– Со мной.

– А чего ты тут? – Отрепьев подозрительно посмотрел на него.

– Я на Москву тогда в гости ездил, живу в Новгороде, служу у тамошнего князя. Тот отпустил меня к родственникам в Галич. Может, знаешь кузнеца Игната Саранова и жену его, знахарку Ольгу Куприяновну?

– Слышал про них. Но они в городе, а ты тут. Или в Покровском у тебя тоже родственники?

– Какой же ты дотошный. Нет у меня родственников в Покровском, а вот девица знакомая есть. Но о ней я говорить не намерен.

– Ладно, ездай дальше. Хватит над нами смеяться.

– Да как же тут не усмехнуться-то? Разве так на саблях бьются? Вы же машете ими, как вениками. А это дело серьезное, требующее особых навыков.

– А ты умеешь, значит?

– Умею. Учился этому и с татарами бился.

– А меня научить можешь?

– А то кроме тебя у меня дел нет.

- Все одно гостишь.
- Ладно. Сейчас уже поздно, да и товарищи тебя ждут. Ты здесь, на селе живешь?
- Нет, рядом, в Смертино.
- Добро. Давай завтра с утра, если, конечно, метель не закружит. Я на деревню подъеду. Где-нибудь в сторонке покажу кое-что. Саблю настоящую для тебя возьму, дам подержаться.
- Не надо. У меня есть. Отец подарил. Но сперва обещай, что расскажешь о царевиче, с которым попутал меня.
- Добро. В этом тайны великой нет. Тебя зовут-то как?
- Юрий Отрепьев. А тебя?
- Андрюша Холодов. Ладно, поехал я. Завтра, как увидишь меня, выходи. Я по деревне проеду.
- Рано приедешь?
- До полудня.
- Лады. До завтра, Андрюша.
- До завтра, Юрий.
- А ты меня Юшкой зови, так привычней.
- До завтра, Юшка.

На следующий день Холодов приехал в деревню.

Отрепьев вышел со двора с саблей в руке.

– Здорово, Андрюша.

– И тебе здравствовать, Юшка. Ну что, где начнем учение?

– За огородами есть рощица, там елань большая.

– Но там и снегу, наверное, много?

– А где его сейчас мало?

– Я, подъезжая, овражек видел, с одной стороны занесен сугробами, с другой снега почти нет.

– Давай туда.

– У тебя конь есть?

– Конечно, – не без гордости ответил Отрепьев, – как не быть? Я в семье за старшего.

Только надо ли выводить его без особой нужды?

– Тоже верно.

Холодов спрыгнул с коня, взял его за узду.

– Пехом пойдем, тут недалече.

Они направились к овражку.

Место действительно оказалось подходящим. Ветра надували снег на один склон, другой и пространство перед ним оставались чистыми.

– У тебя польская сабля? – спросил Юрий.

– Да.

– У меня тоже.

Польская сабля, имевшая ряд достоинств перед другими, широко применялась в России в те времена. Она имела открытую рукоять, перекрестие с удлиненными выступами, довольно длинный и мало изогнутый клинок с желобами во всю длину.

– С чего начнем? – спросил Андрюша.

– Ты вчера говорил, что покажешь мне настоящий бой.

– Да, я видел, что вы с ребятами наносили друг другу только тесачные, разрубающие удары с большим размахом. Есть и другие, которые хороши как в пешем, так и в конном бою. Например, прямой, толкающий удар от себя к противнику, который подобрался к тебе едва ли не в упор.

– Покажи!..

– Все покажу. Покуда слушай и запоминай. На расстоянии больше подходит протягивающий удар. Ты с замахом от плеча протаскиваешь клинок по телу врага. Но я лучше ударю изнутри.

– Как это?

– Снизу в подбородок и горло.

– Почему?

– Такой удар очень сложно отразить. Чтобы избежать поражения, противник вынужден отпрыгивать в сторону или отклоняться назад в седле. Он открывается для тесачного, разрушающего удара.

Юрию не терпелось.

– Давай теперь показывай.

Началась тренировка. Отрепьев сразу оценил мастерство нового знакомого. Тот владел саблей так, словно она была продолжением его руки.

Учение длилось час. Юрий устал. Новые товарищи присели на валун, укрытый тулупом Холодова.

– Умаялся? – спросил Андрюша.

– Есть немного.

– То, что ты освоил сегодня, надо закреплять в ежедневных упражнениях. Не обязательно со мной, можешь заниматься и один.

– Мамка заругается. Чего, скажет, размахался саблей?

– Так пора тебе. Еще год-два и на службу.

– Три. Мне двенадцать лет.

– Время пройдет быстро.

Отрепьев вздохнул.

– Заниматься, коли мать не будет против, я смогу только до весны.

– Чего так?

– Тяжело ей с двумя сыновьями. Сказала, что по весне попробует определить меня на службу к Романовым, у которых поместье в Домнино.

– Это к Федору Никитичу?

– Знаешь такого?

– Кто ж его не знает? Знатный боярин. Так она что, знакома с ним?

– Да. И отец был знаком. А ты надолго удержишься у нас?

– Да тоже до весны. Зимой я хозяину не нужен.

– Ты обещал о царевиче рассказать.

– По пути в деревню и расскажу, что знаю. – Холодов надел тулуп, взял коня под уздцы. Андрюша и Юрий направились в деревню.

На ходу Холодов рассказал о трагедии, произошедшей в Угличе весной 1591 года. Воспоминания увлекли его, и сказал он гораздо больше, чем следовало бы знать человеку, не видевшему этой беды.

– Откуда ты так подробно все знаешь? – спросил Юшка. – Будто сам там был.

Холодов быстро исправил ошибку:

– Там был другой человек. Он у Нагих служил и все видел.

– Странная смерть. Свая-то только на конце острая, а по бокам тупая. Это ж надо было острием, да в горло. Нет, Андрюша, не случайно царевич поранился. Загубили его.

– Да некому губить было, Юшка. Ребятки, с которыми Дмитрий играл, как приступ начался, отбежали. Только кормилица рядом была.

– Это она убила царевича, – твердо заявил Отрепьев. – Дьяк тот московский ее купил.

– Нет, Юшка. Она не могла.

- Жалко царевича. Говоришь, я сильно похож на него?
- Я как на Москве увидел тебя, так чуть разум не потерял. Дмитрий и есть. Живой и невредимый.
- А сколько ему сейчас было бы?
- Одиннадцать.
- Все же сгубили его.
- Ты, Юшка, меньше говори о том. Кое-кому очень хочется, чтобы эту историю люди поскорее забыли и не распускали слухи. На Москве за этим сейчас следят строго.
- Кто?
- Сам царь! Так что лучше помалкивай.
- Они подошли к подворью Отрепьевых.
- Завтра приедешь? – спросил Юрий.
- Приеду. Как и сегодня, в то же время.
- Буду ждать. А ты приемы кулачного боя знаешь?
- Знаю кое-что. Ступай, а то вон и мамка твоя из горницы смотрит. Ты ей говорил, куда и с кем пошел?
- Нет. Я подумал, не надо это.
- Отчего? Скажи, незачем мать волновать.
- Скажу.
- Ну, бывай, друг Юшка.
- Бывай, Андрюша. Рука-то как болит!
- Это от непривычки, пройдет. – Холодов вскочил на коня и ускакал в Галич.

Юрию же пришлось отчитываться перед матерью. Узнав, с кем сын проводил время, она успокоилась. Семья Сарановых в округе пользовалась уважением. Мать разрешила Юрию проводить время с Андрюшей.

Сын утаил от матери, что родственник Сарановых и есть тот самый молодой человек, который в Москве признал в нем царевича Дмитрия. Это было лишним.

В феврале Юрий Отрепьев уже хорошо владел саблей, крепко держался в седле, получил навыки кулачного боя и как результат уверенность в своих силах. Тогда же Холодов сказал ему, что уезжает в Новгород.

Он посетил князя Губанова и вернулся в Галич с помощником Фадеем Костылем, одним из верных холопов Ивана Петровича. Теперь тот должен был смотреть за Юрием Отрепьевым. Андрюша сидел дома.

Деньги и на этот раз сделали свое дело. Кузнец Игнат не вникал в дела родственника и его помощника.

В марте в поместье из Пскова приехал боярин Романов. Весть о том сразу же облетела округу. Варвара решила отвести Юрия к Федору Никитичу.

Боярин принял вдову приветливо, выразил соболезнования по поводу гибели мужа, а когда увидел Юрия, на некоторое время опешил.

- Это же надо, как он похож на покойного Дмитрия Углицкого!
- О том многие говорят, боярин.
- Так что у тебя за дело ко мне?
- Насчет сына пришла просить. Тяжко мне двоих поднимать, Федор Никитич. Юрий уже почти взрослый, ему бы занятие какое. Я читать, писать его научила, способный он. Не взял бы ты его на работу какую в поместье?
- Какая тут работа, Варвара? А чего ты сына на Москву не отправишь, к деду Замятне или Ефимьеву? Отношения с ними не те?

– Отношения хорошие, родственные, да только на службу-то они Юшку не определяют. А так чего на Москве делать?

– На службу, говоришь? Это правильно. Давай мы так поступим. Я через неделю еду в стольный град. Юрия с собой возьму. Пусть он там на первых порах у деда поживет. Тот его еще подучит, потому как сам человек весьма образованный, а я посмотрю, куда и к кому определить твоего сына. Договорились?

– Как скажешь, боярин Федор Никитич.

– Ну и добро.

Фадей Костыль поспешил в Галич. Он сообщил Андрюше Холодову о встрече Варвары и Юрия Отрепьевых с именитым столичным боярином.

Холодов выслушал Фадея и проговорил:

– Надо узнать, о чем они договорились?

– Но как, Андрюша? Меня Юрий близко к себе не подпустит. Кто я для него, какого рожна интересуюсь встречей с боярином Романовым?

– Да, с тобой он говорить не станет. Слуг опрашивать бессмысленно. Вряд ли кто слышал, о чем беседовали боярин, Варвара и Юрий. Придется объявиться мне.

– А причина твоего возвращения в Галич?

– Придумаю, это не сложно. Надо, чтобы мать Юрия меня не видела. Он наверняка по-прежнему в Покровское ходит. По дороге надо его перехватить. Ладно, попробую завтра, а ты готовься ехать в Новгород, к князю. Передашь то, что мне удастся узнать, если эти новости будут заслуживать внимания. Ты меня понял?

– А чего тут понимать, Андрюша?

– Из дома носа не кажи.

– Старший сын кузнеца очень уж любопытный, Андрюша.

– Герасим?

– Кто ж еще?

– В чем любопытство?

– Да все трется во дворе. Выезжаю, спрашивает – куда, возвращаюсь, интересуется – откуда. Вчера следом поехал, но я запутал его в городе.

– Почему сразу не сказал?

– Да хотел, не получилось, ты у кузнеца весь вечер был. Вот теперь говорю.

– О Герасиме не беспокойся. Да теперь и волноваться не о чем. Уедешь в Новгород, он о том никак не узнает. Но я все же дядьке Игнату скажу, чтобы осадил сына.

– Скажи, Андрюшка. Кузнец мужик строгий, его в семье все боятся. А сейчас чего делать будем?

– Отдыхай. Может, уже завтра отправишься в дальнюю дорогу.

Наутро Андрюша Холодов стоял в сосняке, недалеко от дороги, соединяющей деревню с селом. Хорошо, что ночью не было снега и потеплело. Сугробы просели, открылись участки, проходимые для лошади. Холодов ждал, иногда спрыгивал с коня, разминался.

Юрий появился не скоро, ближе к полудню. Шел он пешком, широко размахивая руками. За поясом сабля в ножнах.

Холодов усмехнулся. Надо же, воин!..

Увидев товарища, выехавшего из сосняка, Юрий аж присел от неожиданности.

– Андрюша? Ты?

Холодов соскочил с коня.

– Я, Юшка.

– Как ты тут оказался?

– Хозяин в Кострому меня посылал. Дело там я сделал, решил заехать к родственникам в Галич, да и тебя повидать. Времени прошло нет ничего, а ты возмужал. Настоящий воин. Молодец.

– Благодаря тебе, ты научил, спасибо.

– Да не за что.

– А что на подворье не приехал? Я бы тебя как дорогого гостя встретил.

– Так ехал через Покровское, надо было в село восточку из Костромы передать. В сосняке остановился по нужде. Теперь мне нет смысла ехать в Смертино. Мы и здесь поговорить можем.

– Ты удержишься в Галиче?

– Нет, вечером поеду в Новгород. Но мне скоро опять придется ехать в Кострому, тогда побольше времени будет...

– Не будет, Андрюша.

– Что так? – изображая удивление, спросил Холодов.

– На Москву меня скоро отправляют, поначалу к родственникам, а потом вроде как на службу к Романовым.

– Вот как? Так радуйся. На Москве возможностей много. Тем более коли будешь служить у Романовых. Федор Никитич теперь право на престол имеет! Как и что, объяснять не буду. Ты юноша смысленный, на Москве узнаешь многое, коли делом заниматься станешь, а не баловством.

– Федор Никитич тоже сказал, что я очень похож на погибшего царевича Дмитрия.

– Ты видел боярина?

– Он здесь, у себя в поместье. Недавно приехал. С ним я на Москву поеду.

– Эх, Юшка, везет тебе. Ты только глупостей не делай, поставь себя достойно, постарайся заслужить уважение. Ты добьешься много, это уже сейчас заметно.

Юрий Отрепьев рассмеялся и вдруг заявил:

– Может, тоже когда-нибудь на престол взойду.

– Может, и взойдешь. Это уж как Господь Бог распорядится.

– Ну ты дал, Андрюша. Я сотником, как отец, хочу стать.

– Что уж сотником, бери выше, стрелецким головой.

– Может, и головой!

– Где на Москве твои родственники обретаются? Я в столице часто бываю, встретимся.

– Да я и сам не знаю. Когда ездили на могилу отца, останавливались у дядьки, а где это подворье, сказать не могу, не помню.

– Немудрено, Москва большая. Ничего, зато подворье бояр Романовых известно всем.

Как-нибудь отыщу, коли не против.

– О чем ты говоришь, Андрюша, конечно, не против.

– Ну тогда храни тебя Господь, Юшка!

– И тебя.

Холодов обнял Отрепьева, вскочил на коня и погнал его в Галич.

Спустя два часа в Новгород пошел другой всадник, Фадей Костыль.

Он вернулся через неделю с наказом князя Губанова следовать за Романовым и Отрепьевым на Москву, остановиться у князя Харламова и продолжать смотреть за Юрием.

Глава 4

Юрий Отрепьев жил на Москве уже больше трех лет. За это время он получил хорошее образование. Его обучением занимались дьяк Ефимьев и дед Замятня.

По рекомендации Федора Никитича Юрий поступил на службу к его брату Михаилу. Он быстро завоевал расположение к себе Романовых, пользовался честью и у кабардинского князя, московского воеводы и боярина Бориса Камбулатовича Черкасского. Его познания, полученные в результате учебы, и каллиграфический почерк, которым владел Юрий, выводили его из разряда обычных слуг. Он, скорее, был доверенным лицом Романовых и Черкасского.

Отрепьев понимал, что Федор Никитич, племянник царицы Анастасии, первой жены Ивана Грозного, является возможным претендентом на царский престол. Он знал и о тайном соперничестве боярина Романова и Бориса Годунова, о борьбе за власть в случае смерти царя Федора Ивановича. Юрий старался как можно лучше нести свою службу. Вельможи видели это, доверяли Отрепьеву тайные дела.

Декабрьским вечером Михаил Никитич велел позвать к себе Отрепьева.

Тот уже перешел жить из дома дьяка Ефимьева на подворье Романовых, тут же предстал перед окольным.

– Слушаю, боярин!

На тот период Михаил Никитич не был боярином, этот титул он получил позже, в следующем году, но не имел ничего против подобного обращения к себе.

Он достал свиток, скрепленный печатью.

– Юрий, ты знаешь, где живет боярин Яковлев?

– Афанасий Андреевич?

– Он.

– Знаю.

– Надо отнести ему этот свиток. В нем то, что кроме боярина Яковлева не должен знать никто. Постарайся зайти на подворье так, чтобы тебя не заметили люди Годунова.

– Это можно сделать, если меня будут ждать на подворье и откроют потайные двери.

– Верно. Тебя впустят через задние ворота.

– Свиток передать лично боярину Яковлеву?

– Да, непременно ему. Если же по пути кто-то попытается остановить тебя, то письмо следует уничтожить.

– Да, боярин.

– Надо бы послать с тобой охрану, но это вызовет подозрения.

– Я пойду один.

– Хорошо. Ответа ждать не надо. Передашь свиток и обратно. Если сам Яковлев не задержит.

– Все понял, боярин.

– Тогда с Богом, Юрий!

Мороз крепчал. Отрепьев шел по улицам, кутаясь в тулуп, не забывал осматриваться, потому и заметил, что почти от подворья Романовых за ним следует какой-то мужик. Случайностью это быть не могло. Юрий дважды уходил в проулки, выбирался на соседние улицы, мужик не отставал.

«Это что еще за напасть, – подумал Отрепьев. – Слежка людей Годунова? Или Михаил Никитич послал за мной соглядатая, желая убедиться в том, что я честно исполняю его данное поручение? Такое тоже может быть.»

Надо с этим что-то делать. Если мужик от Годунова, то придется отвадить его, коли же Михаила Никитича, то показать, что я несую службу как следует».

Он завернул в проулок, встал, вынул из-за пояса нож, ждал появления мужика и вдруг услышал знакомый голос:

– Не балуй, Юшка, да ножичек-то спрячь!

– Андрюша? – крайне изумился Отрепьев.

– Он самый. – В проулок вошел улыбающийся Холодов. – Здорово, Юшка!

– Откуда ты взялся, Андрюша?

Холодов подошел к Отрепьеву, обнял его.

– Да с князем я своим на Москве. Решил тебя повидать, прознал, что ты у Романовых обретаешься, ну и дождался, покуда выйдешь. А ты молодец, заметил. Давно ли?

– Так от самого подворья.

– Молодец, – повторил Холодов. – Как жизнь, Юшка?

– Ничего, слава богу, жить можно.

– А куда сейчас направляешься, коли не секрет?

– Секрет, Андрюша. Ты уж извиняй, сказать не могу.

– Ну и ладно.

Отрепьев внимательно посмотрел на Холодова.

– Нет, Андрюша, не для того ты шел за мной, чтобы повидаться. Мог окликнуть еще на Варварке, да и к Романовым прийти.

– Твоя правда. Я не только встретиться с тобой хотел, но и поговорить, да только так, чтобы никто не знал.

– Говори, я слушаю!

– Добро! Слушай. То, что ты устроился на службу к Романовым, хорошо, но опасно.

– В чем опасность?

– Ты слышал, что царь Федор Иванович сильно заболел?

– Слышал. И что?

– А то, что теперь начнется настоящая война за престол. Годунов убрал со своего пути всех, кто мог бы помешать ему встать во главе государства, кроме Романовых. Пока он их не трогает, опасается, а вот когда завладеет тронном через сестру свою, примется за них, сделает это, как всегда, расчетливо, хитро.

– Зачем ему братья за Романовых, будучи царем?

– Затем, Юшка, чтобы на Руси вообще не осталось никого, кто мог бы оспорить его право на трон, в зародыше искоренить угрозу и возможные заговоры. Разделается Годунов с Романовыми жестко, примерно, покажет, что не потерпит никаких посягательств на престол, занятый им. Ты человек Михаила Никитича, да и боярина Черкасского...

Отрепьев прервал Холодова:

– Откуда знаешь?

– Я много чего про тебя знаю. Ты дослушай, потом спрашивать будешь.

– Лады, продолжай.

– Ты в этой сваре можешь головы лишиться. А кое-кому из влиятельных вельмож этого очень не хочется.

– Кому же?

– Не могу сказать, права не имею. Но знай, что за тобой уже сейчас стоят люди, имеющие в отношении тебя очень серьезные соображения.

– Ничего не понимаю. Что за люди? Какие соображения?

– Люди влиятельные. Коли их замыслы сбудутся, то ты, Юшка, взлетишь так высоко, что сейчас и представить себе не можешь. А посему будь осторожен. Службу справляй как следует, все одно от нее покуда никуда не деться, а вот когда запахнет жареным, на рожон не лезь.

– Теперь я понял, Андрюша. Те влиятельные люди, что строят насчет меня свои соображения, приставили ко мне тебя. Они сделали это еще в Галиче. Не случайно ты встретился со мной там.

– Ну если быть до конца честным, то раньше, еще на Москве, когда я увидел тебя с матушкой, идущей к стрелецкому голове. Но верь, привязанность у меня к тебе не по службе, а по душе. Я считаю тебя своим другом, надеюсь, ты относишься ко мне так же.

– Наверное, после таких признаний я должен погнать тебя, все рассказать Михаилу Никитичу, но нет во мне зла.

– Это потому, что мы друзья.

– Теперь ты постоянно будешь приглядывать за мной?

– Придется, Юшка, дабы чего худого с тобой не приключилось. Но ты этого больше не заметишь. Сегодня я сам дал тебе возможность увидеть слежку. О встрече нашей не надо никому говорить. Для тебя же лучше.

– А коли я захочу увидеть тебя, как это сделать?

– Когда придет нужда, я сам тебя найду. Ладно, Юшка, тебе пора. Мы и так задержались. Ступай. Рад был видеть тебя.

– Я тоже.

Холодов повернулся и скрылся за аркой.

Юшка продолжил путь к подворью боярина Яковлева, испытывая весьма противоречивые чувства.

«За мной стоят люди, у них какие-то замыслы. Если все получится, то быть мне на такой высоте, о которой сегодня и мечтать нельзя. Андрюша присматривает за мной больше трех лет.

Кто эти люди? Почему именно я им понадобился, причем сильно? Не зря же они такую кашу с Андрюшей заварили. Господи! – Отрепьев перекрестился. – Что ждет меня впереди? Обещанные высоты или плаха?»

Так, за раздумьями, однако не забывая осматриваться, Отрепьев дошел до подворья Яковлева.

У открытой калитки рядом с задними воротами стоял стражник.

– Я от Михаила Никитича. Боярин Яковлев должен знать обо мне.

– Покажи, что несешь.

– А вот это не твое дело.

– Покажи, – настаивал стражник, – а то не пуцу.

Юшке пришлось доставать свиток.

– Проходи и пожди, пока закрою калитку.

Стражник проводил Отрепьева в дом.

В большой зале на деревянном стуле с высокой спинкой сидел боярин.

– Позволь войти? – спросил Отрепьев от дверей.

– Входи! Давай, что принес.

Юрий передал боярину свиток и спросил:

– Я могу идти?

– погоди, сядь на лавку да сними тулуп, тепло здесь.

– Ничего, жар костей не ломит. – Отрепьев присел на лавку.

Яковлев осмотрел печать, сорвал ее, развернул свиток, прочитал письмо, поднялся.

Встал и Отрепьев.

– Тебя Юрием звать?

– Да, боярин. Отрепьев я.

– Слыхал. Михаилу Никитичу передай, что опасения, которые проявляет Михаил Никитич, не напрасны. Но что-либо предпринимать рано. Запомнил?

- Запомнил, передам слово в слово.
- Ты как шел сюда, подозрительных личностей не заметил?
- Нет. – О встрече с Холодовым Отрепьев предпочел умолчать. Это не касалось боярина.
- Ступай сейчас же обратно и передай мои слова Михаилу Никитичу. Через полчаса Юрий уже был на подворье Романовых. Михаил Никитич ждал его.
- Ну и как?
- Сделал, как велено.
- Что просил передать Афанасий Андреевич?
- Отрепьев повторил слова Яковлева.
- Ясно. Хорошо, теперь отдыхай, да о прогулке этой забудь.
- Уже забыл, Михайло Никитич.
- Завтра потребуется написать письмо одному вельможе, будь у меня после утренней трапезы.
- Слушаюсь.
- Иди!

- В это же время Борис Годунов дожидался сестру.
- Как дела с Федором? – спросил он при ее появлении.
 - Плохо, Борис. Федор на глазах тает. Не одолеть ему эту хворь.
 - Что доктора говорят?
 - А что они могут сказать? Делают, что возможно.
 - О завещании Федор речь вел?
 - Я спросила его об этом. «Завещание не нужно. Ты законная наследница», – ответил он.
 - Это хорошо, правильно.
 - Правильно-то, правильно, Боря, да вот только Федор повелел боярину Романову завтра прийти к нему.
- Тень тревоги побежала по лицу Годунова.
- Зачем?
 - Не объяснил.
 - Ирина, идем-ка к царю.
 - Он слишком слаб. Доктора дали ему какое-то снадобье, чтобы боль не мучила.
 - Ничего. Потерпит. Дело слишком серьезное. Ты хочешь, чтобы все сорвалось в последний момент?
 - Признаюсь, Борис, мне уже все равно, устала я.
 - И от чего же ты, царица, устала?
 - От тягот этих, от всего. Душит меня дворец, как темница. Может, ты без меня пройдешь к нему?
 - Чтобы челядь завтра же разнесла по всей Москве, что Борис Годунов о чем-то пытал больного царя? Нет, пойдем вместе.
- Ирина привыкла во всем подчиняться брату.
- Царица и Годунов прошли в опочивальню царя.
- Федор Иванович лежал на постели, повернул голову.
- Ирина, ты?
 - Я, Федор, с братом.
 - А я только засыпать начал. Что-то случилось?
- Вперед вышел Годунов.
- Прости, государь, но дело неотложное.

– Ну что ж, раз неотложное, давай, Борис Федорович, говори. Может, в последний раз и видимся.

– Ну что ты, государь.

– Нет, Борис Федорович, чую, что смерть рядом. Все мы в руках Господа. Зачем пришли-то?

– Болезнь пройдет, – сказал Годунов, – но о престолонаследии надо подумать уже сейчас.

– Мы с Ириной о том говорили. Она пожелала после смерти моей постричься в монахини. А посему думаю, что престол должен занять Федор Никитич Романов. Но после того, как Ирина благословит его царствование. Завтра, если силы будут, предложу ему принять трон.

Годунов присел на стул возле кровати и проговорил:

– Воля государя – закон. Но что станет с твоей женой, со мной, с верными людьми, которые служили тебе верой и правдой, если на царство взойдет Федор Романов?

– О чем ты, Борис Федорович?

– Буду прям, государь. Ты, конечно, правитель великой державы, но никто, кроме меня, не знает, чем и как живет государство. Согласись, ведь это я принимал главные решения твоим именем с момента, как ты стал царем.

– Согласен, но не могу понять, к чему ты клонишь. Что может произойти с тобой, верными людьми, тем более с Ириной?

– А то, что Романовы изведут всех нас. Стоит только Ирине во исполнение твоей воли, о которой завтра узнает Федор Романов, благословить его на царство, и она тут же угодит в монастырь, но уже не по своей воле. Меня же с семьей в лучшем случае ждет опала и ссылка, в худшем – темница, из которой дороги нет. Верных тебе вельмож Романовы тоже не пощадят. Обдерут до нитки да выбросят за ненадобностью. Гнева Божьего, Федор Иванович, не боишься?

Царь побледнел и слабым голосом спросил:

– Что тебе надо, Борис Федорович?

– Я сделаю все, чтобы вылечить тебя, государь, соберу всех докторов, знахарей, мы справимся с болезнью. Только ты не бросай нас на произвол жестокой судьбы. Желаете, чтобы Ирина постриглась в монахини, так и будет. Но не давай повода Романовым думать о престоле.

– Кто же тогда станет во главе государства, Борис Федорович?

– А это решит твоя прямая наследница, царица Ирина. Но после смерти твоей, а до нее, я уверен, далеко. Ну, а призовет Господь, что ж, тогда Ирина решит все по справедливости и закону.

– Это значит, что на престол взойдешь ты, Борис Федорович.

– Повторюсь, государь, царица сама решит, кому передать власть. Но прошу, не губи ты нас, не предлагай ничего Романовым.

– Ладно. Мне плохо, вызовите доктора.

Ирина бросилась из опочивальни.

Годунов нагнулся над смертельно бледным царем.

– Не губи, государь. При Ирине не говорил, один на один скажу. Отдашь трон Романовым, придется нам бежать. Но ненадолго. Я вернусь. Ты знаешь, за мной сила немалая. Не вводи страну в смуту. Ты же не хочешь, чтобы держава разбилась на мелкие куски, чтобы народ потом проклинал имя твое?

– Мне плохо, Борис Федорович.

– Ухожу! Но слова мои запомни.

Прибежал доктор, с ним царица.

– Пойдем отсюда, – сказал Годунов Ирине.

– Я должна быть с мужем, Борис.

– Ты должна ответить на несколько моих вопросов, а потом хоть всю ночь сиди с мужем. Иди за мной!

Они прошли в покои царицы.

– Что значит твое поведение, сестрица?

– О чем ты?

– Не понимаешь?

– Нет!

– Мне ты говорила об одном, а с Федором – о другом!

– Я не хотела доставлять ему боль, он все же мой супруг, отец нашей единственной дочери, умершей так рано.

– При чем здесь Феодосия?

– Она родилась вполне здоровой, но в скором времени стала хворой и скончалась во младенчестве.

– Ты на что намекаешь, Ирина? На то, что я имею отношение к смерти племянницы?

– Я ни на что не намекаю.

– Так, может, и царевича Дмитрия убили по моему приказу?

– Не знаю.

– Знаешь! Дмитрий погиб случайно. Но все это пустые разговоры. Завтра я останусь у себя на подворье, ты же должна присутствовать при разговоре Федора с Романовым. Но мне и дома будет известно каждое слово, произнесенное в опочивальне царя.

– Я сделаю, как ты хочешь, но после этого оставь меня в покое.

– Конечно, сестрица. Как только ты благословишь меня на царство, я оставлю тебя в покое.

– Ты никогда не думал, Борис, что твое стремление к власти может погубить тебя?

– Меня может погубить только чья-то глупость.

– Нет, брат, ты закончишь плохо.

– А вот это уже мои дела. Главное – начать, а каков будет конец, не столь важно. Спокойной ночи. Помни мои слова.

На следующее утро боярин Федор Никитич Романов был проведен в опочивальню царя. Там, следуя наказу брата, находилась и царица Ирина.

Романов поздоровался, перекрестился на образа.

Царь Федор, почувствовавший себя немного лучше, предложил боярину присесть на стул, взглянул на жену и сказал:

– Ты бы вышла, Ирина.

– Ну уж нет! А коли тебе плохо станет? Помощь понадобится? Мне доктор оставил снадобья, объяснил, что делать. А Федор Никитич в это не посвящен. Ты уж извиняй, государь, но я тебя одного не оставлю.

Царь улыбнулся.

– Ладно, оставайся тут.

Ирина присела в дальнее кресло у окна.

Царь повернулся к Романову и спросил:

– Как считаешь, Федор Никитич, после моей смерти кому Русью править?

– Ты не о том думаешь, государь. Выздоровеешь, поднимешься. Вопрос о престолонаследии ставить рано.

– А если Господу угодно прибрать меня?

– Все мы в Его руках. Коли так, то наследница – твоя супруга.

– Следует ли женщине?..

– Так ведь правила же Елена Глинская, жена Василия Третьего. И не хуже мужа. Да и в иностранных державах королевы не редкость. Но повторяю, не о том мы завели разговор.

– На мне кончается династия. Господь не дал наследника.

– Оставь пока этот вопрос, государь.

– погоди. Ты имеешь право на престол. Тебя знают в народе, поддерживают бояре. Скажи, ведь думал о троне?

– Нет, государь, не думал. Грешно это при живом царе.

– Добро. Я услышал тебя. – Федор Иванович откинулся на подушку, лоб его покрылся испариной.

Царица тут как тут.

– Шел бы ты, боярин. Государю худо.

– Да, государыня, пойду. Скорейшего выздоровления тебе, царь. – Романов вышел из спальни.

Ирина приказала слугам вызвать доктора, сама же принялась смешивать снадобья, оставленные им для подобных случаев.

Снадобья, что сделала царица, и помощь доктора сняли жар. Федор Иванович задремал.

Ирина прошла в свои покои и очень удивилась, увидев брата, сидевшего там в кресле.

– Ты? А говорил, что у себя на подворье будешь.

– Я передумал.

– Злых языков не боишься?

– Я, Ирина, боюсь только крушения своих замыслов.

– Ты слышал разговор Федора с Романовым?

– Конечно.

– Доволен?

– Странное чувство, Ирина. И доволен, и нет.

– Чем же ты можешь быть недоволен? Федор не благословил Романова на царство, более того, тот сам отказался вести разговор об этом.

– Это-то и смущает. Другой схватился бы за свое право, дождался бы благословения, убедил бы умирающего царя в том, что именно он и есть законный претендент на трон, а Федор Романов даже не стал обсуждать этот вопрос. Почему?

Ирина присела в соседнее кресло.

– Чем ты сейчас недоволен, Борис?

– Тем, что не понимаю, почему Федор Никитич упустил, пожалуй, единственную возможность законно получить трон.

– Но ты же предупредил мужа, чтобы он не делал этого. Уверена, дойди дело до окончательного решения, он ничего не дал бы Романову.

– Не исключено. Но возможно и другое. Сейчас среди бояр у меня сильная поддержка. Патриарх Иов стоит за тебя. Вступать в конфликт, когда Федор еще жив, со стороны Романовых было бы опрометчиво. Федор Никитич понимает, что на данный момент он проиграет. А поражение для него равносильно смерти. Сейчас Романовым не под силу бороться со мной за престол. Они отступят, но не смирятся, станут накапливать силы, чтобы позже проявить себя. Но это будет потом. А теперь все идет как надо. Вопрос в том, сколько проживет царь. Думаю, недолго.

– Ты бы хоть при мне не говорил такие вещи, Борис.

– Ты еще заплачь. Хотя не надо, у тебя будет время для этого. Сегодня проведать царя собирается патриарх. Позже некоторые бояре. Патриарха не допустить ты не можешь, а вот бояр гони. Мол, не до вас царю. Как встанет на ноги, так и примет всех. О болезни не распространяйся.

– О разговоре Федора с патриархом тоже тебе доложить? Или ты, как и ночью, только сделаешь вид, что уехал из Кремля?

Годунов внимательно посмотрел на сестру.

– Ты, Ирина, тон этот оставь. Когда надо докладывать, я скажу, а что делать стану, тебя не касается. Если ты решила податься в монастырь, то обсуди этот вопрос с патриархом. Выпроси благословение и так, между прочим, скажи, что Федор Иванович в грамоте своей, написанной вчера, назначил его и меня своими душеприказчиками.

– Но Его Святейшество может затребовать грамоту.

– Ничего он требовать не будет. Поверит на слово. Потому как ты царица. Все, мне пора.

Царь Федор Иванович умер 7 января 1598 года, так и не оставив завещания. Тогда же на свет появилась та самая грамота, о которой ранее упоминал Годунов. В ней говорилось, что покойный царь не назвал имени преемника и назначил своими душеприказчиками патриарха и Бориса Годунова.

Во избежание бедствий междуцарствия патриарх повелел разослать по всем епархиям приказ целовать крест царице Ирине. Формально правление перешло к ней, но уже через неделю она объявила о решении постричься в монахини.

Это вызвало волнение в Москве. К Кремлю потянулся народ, стал требовать царицу. Ирина Федоровна вышла на Красное крыльцо и подтвердила свое намерение постричься. Борис Федорович объявил, что царица вправе сама определять свою судьбу. Покуда не решится вопрос с наследником престола, государством с благословения патриарха будет управлять он с боярами. Народ пошумел и разошелся. Январь – не время для долгого и бесполезного стояния у стен Кремля.

Федор Иванович был погребен в Архангельском соборе Московского Кремля. На девятый день после смерти мужа Ирина Федоровна удалилась в Новгородский монастырь и постриглась там, приняла имя инокини Александры.

Пришло время Годунову брать власть. Он сделал это с умом. Его сторонники собирали толпы. Народ слезно умолял Бориса не бросать детей своих и принять корону. Он вынужден был уступить, сам того не желал, но согласился занять трон.

9 февраля 1598 года, в день погребения Федора Ивановича, Ирина благословила брата на царство. 17-го числа того же месяца Земский собор единогласно избрал царем Бориса Годунова и принес ему присягу на верность.

Борис достиг поставленной цели, но с коронацией не спешил, внимательно следил за тем, как в народе воспринимают его избрание, кто из бояр выступает против, кто твердо встал на его сторону.

Венчание на царство состоялось лишь 1 сентября, в день наступления нового года по тогдашнему времени. Церемонию в Успенском соборе проводил патриарх Иов. Потом в Грановитой палате был дан пир в честь нового царя. Годунов приказал пригласить за столы не только представителей знати, но и купцов, городских старост, рядовых москвичей. Пиршество продолжалось десять дней.

Царь Борис повелел на год освободить население от уплаты налогов, объявил амнистию и обещал в течение пяти лет не применять смертную казнь. Он хотел угодить и знати, и простолюдинам, так как знал, что в народе его не любят, считают худородным, случайным человеком, хитростью и интригами пришедшим к власти.

Веселье омрачилось участвовавшими приступами подагры, которой болел Борис Годунов. Его все чаще мучили боли в суставах, в почках. Шотландский доктор Габриэль не смог определить причину заболевания, ограничивался применением снадобий, снимающих боль.

Борис терпел, не подавал вида, что болен. Торжества затмили собой подобные мероприятия при воцарении Федора Ивановича. Как было заведено на Руси, восшествие на престол нового царя сопровождалось раздачей щедрых милостей.

Празднества закончились, наступила повседневная жизнь. Годунов приблизил к себе людей, верных ему. Только Романовы оставались независимыми. С ними надо было что-то решать. Ведь любой из братьев мог оспорить законность восшествия Бориса на престол, в первую голову – Федор Никитич.

К тому же состояние здоровья Годунова с 1599 года резко ухудшилось. Болезнь уже валяла его не на день-два, а на недели. От боли в спине он готов был на стену лезть. Скрыть это было уже невозможно.

Естественно, о болезни Годунова прознали Романовы. Борис почувал опасность.

Доктора, вызванные из Европы, установили причину болезни Годунова, но не облегчили его состояние. Почечнокаменная болезнь в то время была практически не изучена.

В то же время к Годунову стала поступать информация о том, что Романов собирает на своем подворье холопов, вооружает их.

В середине октября царь Борис вызвал к себе троюродного брата окольного Семена Никитича Годунова, который теперь ведал политическим сыском.

Тот явился сразу же.

– Доброго здравия, государь.

– Тебе тоже. Пройди, присядь, разговор есть.

Окольный устроился на широкой лавке, устланной ковром, слева от кресла царя.

– Я хочу знать, что происходит на подворье Романовых в Москве, в их вотчинах, – заявил Годунов.

– Государь, я уже докладывал, что Романовы собирают у себя на Москве холопов из вотчин. По моим данным, их почти сотня. Все с оружием.

– Сотня ратников у нас под боком? Для чего Романовы собирают их?

– Этого сказать не могу. Сколько ни пытались, внедрить к Романовым своего человека не получилось.

– А пытались ли?

– Посылали людей под видом горожан, которые якобы стоят за Романовых, но те не принимают никого постороннего, только своих, из вотчин, да тех, кто уже служил им.

– Но ты, Семен, понимаешь, насколько важно нам знать, к чему готовятся Романовы? Возможно, они и бояр на свою сторону переманивают, и стрельцов.

– Нет, государь. Я бы знал об этом.

– Когда узнаешь, поздно будет. А посему я порешил разгромить это осиное гнездо, подворье Романовых, чтобы о них на Москве ни слуху ни духу не было. Но сделать это надо с умом.

Окольный взглянул на царя.

– Как именно?

– Надо найти повод для разгрома подворья и суда над Романовыми, чтобы в глазах народа все выглядело законно.

– Тебе так важно мнение народа?

– Да, важно. Я не желаю слышать от черни, что обманом и коварством взял власть, хочу, чтобы народ признал во мне царя строгого и справедливого. Вот почему мне нужен повод для расправы с Романовыми, последними из тех, кто хоть как-то может претендовать на престол. После меня должен править мой сын, и никто другой. Ты понимаешь меня, Семен?

– Как не понять, государь. Да вот где найти этот самый повод?

– А ты думай! Я тебя во главе сыска для чего поставил? Должностью хвастаться или службу нести?

- Я подумаю, государь.
- Прямо сейчас, при мне думай и выкладывай решение!
- Посоветоваться с верными людьми надо.
- Не надо ни с кем советоваться. Кроме нас двоих, об этом разговоре не должен знать никто.

Окольничий почесал бороду.

- Есть одна идея, только не знаю, подойдет ли.
- В чем идея?
- Можно человечка одного использовать. Есть такой дворянин Бартенев, казначей Александра Никитича Романова.
- Почему ты решил, что он станет работать против своего хозяина?
- А куда ему деваться, Борис Федорович? Бартенев неглупый человек. Он не станет служить боярину, который выступает против самого государя. Повелишь, я сегодня же хорошенько с ним поговорю.

Годунов встал с кресла, прошелся по зале, остановился, резко развернулся и проговорил:

- Хорошо, встречайся с ним и тайно вези его сюда, ко мне.
- Не много ли ему чести?
- Ты слышал, что я велел, Семен?
- Слышал, государь, только в голову не возьму, зачем тебе это. Я и сам справился бы.
- После разговора со мной он станет нашим человеком на подворье Романовых и думать не посмеет сделать что-то против меня. Когда мне ждать вас?
- Мои люди смотрят за подворьем Романовых. Как только Бартенев выйдет за ворота, я его возьму.
- Только тихо, Семен, чтобы ни единая живая душа про это не знала.
- Слушаюсь, государь.
- Тогда ступай! Тащи казначея сюда в любое время. Меня не будет, скажешь слугам – позовут. Стражников я предупрежу.

В тот же вечер, когда Борис Федорович находился в покоях сына, к нему явился слуга.

- Государь, прибыл Семен Никитич Годунов, с ним дворянин Бартенев.
- Быстро, – проговорил царь, погладил сына по голове, похвалил за красивые рисунки и прошел в залу.

Он сел в кресло, строго взглянул на пришедших.

– Ну?..

Растерянный дворянин поклонился, рукой коснулся ковра.

- Долгих лет тебе, государь.
- И тебе того же.

Окольничий же доложил:

- Вот, государь, доставил Бартенева.
- Вижу. Оставь нас вдвоем, да встань у дверей, чтобы даже стражники не могли ничего слышать.

– Слушаюсь. – Окольничий вышел.

Годунов вонзил в дворянина острый взгляд, под которым тряслись и не такие люди.

- Мне известно, кто ты, чем занимаешься у Романовых. Но я не знаю, что они замышляют, в том числе и Александр Никитич. Предупреждаю, на вопросы царя надо отвечать правдиво и полно. Ложь и молчание являются государственным преступлением, кара за которое – смерть. Это понятно?

Бартенев закивал.

- Да, государь.

Он сильно боялся, руки его дрожали, ноги пробирала судорога, голова тряслась. В глазах дворянина виднелся неподдельный животный страх.

Годунов усмехнулся.

– Сядь на лавку, а то от страха в обморок упадешь.

– Благодарю, государь. – Бартенев присел на лавку, сжал дрожащие руки.

– Отвечай, для чего Романовы собирают холопов у себя на подворье?

– Государь, об этом я могу говорить только с чужих слов.

– Говори с чужих.

– Слышал я от людей, близких к боярину Федору Никитичу, что Романовы всерьез опасаются за собственную безопасность. Они думают, что ты, государь, уж прости, хочешь известить весь их род. Поэтому и собирают по своим вотчинам холопов. Те с оружием, больше с саблями, бердышами. Пищалей и самопалов мало, где-то десятка два.

– А сколько ратников на подворье?

– Точно не скажу, государь, примерно сотни полторы.

– Кто начальствует над ними?

– У каждого отряда числом человек в тридцать свой начальник, ну а над всеми Федор и Михаил Никитичи.

– Значит, Романовы решили, что я намереваюсь известить весь их род? Но разве полторы сотни холопов, большинство из которых и военного опыта не имеют, защитят их?

– Александр Никитич говорил, что если укрепиться на подворье, царь не решится на сражение.

Годунов ухмыльнулся.

– Верно говорил твой господин. Ни с того ни с сего напасть на подворье любого боярина невозможно. Это вызовет гнев сперва москвичей, а следом и всего русского народа.

– Так же и Александр Никитич говорил.

– Из твоих слов выходит, что Романовы укрепляются для защиты, а не для нападения.

– О каком нападении может идти речь, государь? Федор Никитич очень умный человек, он прекрасно понимает, что это смерти подобно, себе дороже выйдет.

– Не все ты знаешь, казначей. Романовы рассчитывают на то, что болезнь подкосила меня, готовят государственный переворот.

Бартенев открыл рот от удивления.

– Переворот?

– Именно. У Разбойного приказа есть доказательства этому. Но готовят хитро, скрытно, вовлекают в заговор все больше людей. Понятное дело, я допустить этого не могу. Федор Никитич все верно рассчитал. Царь не решится на захват подворья. Это вызовет волнения в городе. Но когда появятся веские доводы, я вынужден буду это сделать. Иначе возникнет угроза самой государственности.

– Извини, государь, я плохо понимаю тебя.

– А тебе и не надо ничего понимать. Вон на столе бумага, рядом перья. Садись и пиши донос в Разбойный приказ.

– Донос?

Годунов повысил голос:

– Тебе что, уши заложило?

– Нет, государь, я сейчас. – Бартенев сел за стол, взял перо, пододвинул к себе лист бумаги. – А что писать-то, государь?

– Пиши. В Разбойный приказ от дворянина Бартенева, казначея боярина Александра Никитича Романова. Сим доношу, что бояре Романовы имеют намерение отравить царя Бориса Федоровича и его семью, для чего на подворье втайне держат коренья, из которых знахари,

верные Романовым, должны сделать яд, который и подсыплен будет государю с семьей во время одной из трапез.

– Но это же неправда.

– Пиши, если с головой распрощаться не хочешь. Поставь подпись и дату.

Бартенев написал, склонил голову и сказал:

– Это значит, что ты, государь, теперь имеешь повод уничтожить род Романовых.

– Ты сделал свое дело, за что будешь изрядно вознагражден, когда заговор будет раскрыт.

Семен!

Окольничий вошел в залу.

Годунов кивнул на лист бумаги:

– Забери!

Семен взял донос, прочитал.

Борис Федорович взглянул на него и спросил:

– Думаешь, откуда взяться ядовитым кореньям на подворье Романовых?

– Да, государь. Это несложно сделать. – Окольничий кивнул на Бартенева. – Я дам ему коренья. Он пронесет их в дом и спрячет где-нибудь в укромном месте. Потом мы зайдем подворье и найдем их.

– Нет, это рискованно. Коренья могут быть случайно обнаружены до начала захвата поместья.

– Как же тогда быть?

– Мне все приходится решать самому! Неужели трудно догадаться, что во время захвата подворья туда можно пронести все что угодно, а затем найти и объявить, что оно находилось в тайнике?

– Понял, государь.

Борис повернулся к Бартеневу.

– Ты ничего не бойся. О твоём доносе до поры до времени никто не узнает. Потом же, когда начнется дознание, тебе придется подтвердить написанное. Но за это ты будешь очень щедро награжден, получишь мое покровительство. Милость государя безгранична, так же как и гнев. Все, ступайте. Устал я!

Несложно понять, какие чувства испытывал Бартенев. Он верно служил боярину Александру Никитичу, а тут в одно мгновение предал его и весь род Романовых, обрек на смерть людей, к которым относился с симпатией. Но разве можно перечить самому царю, Борису Годунову, сметавшему все и всех на своем пути к трону?

Настроение его было прескверным. Дождь промочил Бартенева до нитки, но ему было все равно. Казначей шел, не обращая ни на кого внимания.

Поэтому он и не заметил, как за ним пристроился какой-то мужчина. Бартенев уже свернул в свой проулок, наконец-то услышал шаги и резко обернулся. Ему в подбородок тут же уперлось острое стилета.

– Тихо, Бартенев, спокойно! Не будешь дергаться, останешься жив.

– Ты кто? – прошептал казначей.

– Тебе это знать не следует. Как встретил тебя Годунов? Угостил медом, царскими яствами?

– Я не понимаю тебя.

– Не надо врать! Вижу, не угостил тебя Бориска. Ну-ка быстро и правдиво поведай мне, о чем имел разговор в царских палатах.

– Но я там не был.

Острие стилета распороло мягкую кожу, тонким ручейком потекла кровь.

– Не глупи, казначей. Не скажешь правды, убью! И никто не защитит тебя. Годунов в Кремле, его братец троюродный, наверное, уже дома. Здесь только ты и я. Не юли. Я смотрю за тобой не первый день. Сам видел, как Семен Годунов тайком привел тебя в Кремль. Уж явно не для того, чтобы показать роскошь царского дворца. Говори!

– Не могу. Царь погубит меня и всю мою семью.

– Он погубит тебя в любом случае. Годунов еще ни разу не оставлял в живых свидетелей своих преступлений. Так же будет и с тобой. Как только сыграешь нужную роль, Семен Годунов тут же прибьет и тебя, и твою семью. Выглядеть все будет обычно. Пожары на Москве не редкость. Сгорит твое подворье, а с ним и вы. Годунов наверняка пообещал тебе царскую милость и покровительство. Это он говорил многим из тех, кто случайно и внезапно канул в вечность. Но дело даже не в этом, а в том, что если ты не расскажешь мне о разговоре с Бориской, то ему не придется посылать к тебе Семена, потому как убью тебя я. Такова судьба всех предателей.

– А если скажу? Оставишь жить?

– Да! Я не Годунов, слово держу.

Что оставалось делать Бартеневу?

– Ладно. Слушай! – Он почти слово в слово передал этому человеку свой разговор с Борисом Годуновым.

Холодов, а это был он, внимательно выслушал казначея Александра Никитича Романова и спросил:

– А когда Годунов собирается напасть на подворье Романовых?

Бартенев перекрестился.

– Вот те крест, не знаю. О том разговора не было, но, наверное, скоро. – Что мне теперь делать?

– Служи далее. Коли чего нового узнаешь, передашь мне.

– Как?

– Ты знаешь Якова Тетерю? Это стражник в доме Романовых, со шрамом на щеке.

– Видал такого не раз.

– Вот через него и передашь.

– А для кого?

– Скажешь, для друга, он поймет. К Бориске ты больше не попадешь, а вот дату нападения они тебе, скорее всего, раскроют. Им надо, чтобы ты скрытно подготовил тайник для кореньев, которые потом и найдут ищейки Годунова. Пока об этом речи не велось?

– Нет.

– Хорошо.

– Подскажи, как мне и Годунову угодить, и живым остаться?

– Сам мог бы додуматься. Чтобы сохранить себе и семье жизнь, тебе надобно, во-первых, обо всем, что узнаешь от Семена, сообщать мне, а во-вторых, когда Бориска стянет к подворью войска, бежать оттуда. Дома заранее все подготовить для быстрого выезда из Москвы. Ратники Романовых без боя не сдадутся, так что свара будет большой. Покуда стрельцы сломят их сопротивление, захватят братьев Романовых, найдут доказательства заговора против царя, времени уйдет много. Ты успеешь далеко уехать. Есть где спрятаться?

– Есть. Но меня искать будут.

– Не та ты персона, чтобы тебя по всей России искать. Но прячься надежней и на Москву, пока правит Годунов, не возвращайся. Таков будет мой тебе совет. Хочешь, слушай, хочешь, нет. Про Тетерю не забудь. Все, что будет касаться интереса Годунова к подворью, передавай ему и не пытайся узнать, кто я. Все, иди домой и обрадуй жену, расскажи ей, что тебя сам государь принимал.

Холодов, промокший до нитки, двинулся к подворью князя Ивана Дмитриевича Харламова.

Рано утром оттуда в Новгород со срочным донесением отправился Фадей Костыль, помощник Андрюши.

Спустя две недели, 24 октября князь Губанов прибыл на Москву и остановился у Харламова.

Вельможи встретились тепло, хотя обстановка складывалась отнюдь не радужная.

Харламов провел Губанова в залу, где они присели в высокие кресла.

– Да, Иван Дмитриевич, признаюсь, не думал, что Годунов после воцарения продолжит убирать со своего пути всех возможных даже по малости претендентов на трон.

– Раньше Бориска для себя дорогу расчищал, теперь, когда пошатнулось здоровье, стремится обезопасить царствование своего сына Федора.

– Бориска, как и всегда, просчитал игру на несколько ходов вперед. Он понимал, что Романовы не подпустят к трону его сына, и решил разгромить их, – сказал Губанов.

Харламов кивнул.

– Так оно и есть.

– Долго что-то Годунов готовится к нападению.

– Ко мне вчера дьяк Ронжин заходил, помнишь такого?

– Ну как же? Афанасий Мартынович из Посольского приказа.

– Он сейчас в Разбойном. Так вот, дьяк поведал, что ждать бури осталось недолго, счет на дни пошел. То же самое подтверждает и казначей Александра Никитича Романова, которого твой Андрюшка крепко на крючок посадил.

– Кстати, князь, а где он сейчас?

– Так на встречу с этим Баргеновым и отправился. Фадей с ним.

– Встречу сам казначей назначил?

– Не знаю, князь, не вникал. Из Андрюши твоего, как и из его товарища, слова лишнего не вытянешь.

– Так и должно быть.

– Да я не против. Дело слишком серьезное.

– Что за слухи гуляют по Москве?

– Те самые, которые нам и нужны. Мол, Годунов в смерти Ивана Грозного повинен. Он царевича Дмитрия в Угличе приказал известить и обставил все так, чтобы свидетелей не осталось. Лишь Нагие, но те какие свидетели? Дознание Шуйский проводил так, как угодно было Годунову. Бориска уморил царевну Феодосию Федоровну, да и к смерти царя Федора руку приложил. Много слухов. А теперь, как мы и договаривались, в торговых рядах пошла молва, будто жив Дмитрий, убит другой мальчик, похожий на него. Царевича верные люди прячут. Я вот думаю, Иван Петрович, не пустить ли слух о том, что Дмитрия укрывают Романовы. Годунов узнал об этом и готовится разгромить их подворье?

– Не надо, Иван Дмитриевич. Я понимаю, ты беспокоишься о Романовых, но их этим не спасешь. Да, Бориска может отложить захват подворья, покуда не подготовится к развенчиванию слухов о спасении Дмитрия. Долго ли ему назначить повторное дознание и получить подтверждение случайной смерти царевича? Сейчас он встал во главе государства, сможет подготовить все хорошенько, тщательно. Тогда появление на свет царевича во много раз усложнится. Это сейчас почва для слухов благодатная. Что станет потом, когда ее обработает Годунов, одному Богу известно. Бориска пресечет слухи и все одно ударит по Романовым. Последствия для них окажутся самыми плачевными. Если и выставить Дмитрия, то после нападения на подворье Романовых и так, чтобы это ошарашило и Годунова, и народ.

– Ты, похоже, знаешь, как это сделать.

– Знаю! Надо только забрать у Романовых Юрия Отрепьева. Это дело для Андрюши. А вот и он.

В залу вошел Холодов, поклонился, поздоровался.

– Проходи, Андрюша, садись, рассказывай, что узнал.

Холодов присел на скамью у двери.

– Встреча с казначеем не получилась, не мог он. Но Тетеря сказал, что Бартенев подходил к нему и шепнул, мол, в четверг, в ночь. Яков расспросить его не смог, но и так все понятно. Захват подворья Годунов назначил на ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое октября.

– Отрепьева видел?

– Нет, на подворье не заходил, опасался.

– Как же смог переговорить с Тетерей?

– А он в лавку выходил, купил пирогов. Там и перемолвились.

– Понятно. Значит, послезавтра?

– Получается так. Что мне делать дальше?

– Завтра тебе надо попасть на подворье Романовых, но скрытно, чтобы никто не видел. Сегодня думай, как это сделать.

– В ночь могу попробовать, днем не получится никак. Мне нужен чертеж подворья, чтобы знать, как уйти оттуда, даже если оно будет окружено.

Губанов взглянул на Харламова и спросил:

– Ты можешь помочь, Иван Дмитриевич?

– Задача непростая, Иван Петрович. Чертежа у меня нет, но есть девица Алена, от рождения убогая, живет с матерью недалеко отсюда.

– Чем она может помочь?

– Алена постоянно, каждое утро навещается на подворье к Романовым. Никто ее не останавливает, не обращает на нее внимания. Ты же знаешь, как у нас к убогим относятся. Если телом девица уродлива, то разум имеет ясный, а память – просто необыкновенную.

В разговор вступил Холодов:

– Но это она может свободно пройти куда угодно, а другой человек?

Харламов улыбнулся.

– Я ж не просто так заговорил о ней, Андрюша. Хворь лишила Алену способности передвигаться самостоятельно, посему ее везут на подворье в самодельной каталке или в санках. Да не одни и те же, а разные люди, кого она попросит. Никто ей не отказывает. Обрато ее ратники Романовых доставляют.

– А почему ее на подворье зовут?

– Алена в знахарстве преуспела, а Федор Никитич считает, что она счастье в дом приносит.

– Понятно, – проговорил Холодов, – если убогая Алена постоянно бывает на подворье, то с ней туда пройти можно и внутри она все до мелочи знает. Вот только как разговорить ее, убедить в том, что я не зла, а добра Романовым желаю. Как вообще познакомиться с ней?

– С последним ничего сложного. Вечером перед молитвой она будет дома, вместе с матушкой своей Дарьей Анисимовной. С той мой холоп уже полгода живет. Баба-то здоровая, кровь с молоком, дитя больное, но сама хороша. Вот Степан Закатный тебя и познакомит с матерью да дочкой. Муж Дарьи случайно сгинул, по первому льду на реке Москве рыбу ловил да провалился. Попадешь к ним домой, Андрюша, и попробуешь расположить к себе Алену. Она людей чувствует, видит, кто с ней искретен. Скажи ей, что хочешь поступить на службу к Федору Никитичу. В общем, сообразишь. А утром отвезешь ее к Романовым, там и останешься. Сейчас на подворье народу много, затеряться легко. Лучше места, чем погреба под главным домом, не найти. Но и с этим определишься сам.

– А Фадей Костыль?

– Тот пусть вне подворья находится. В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое возьмет коней. А что делать дальше, ты знаешь, – ответил Харламов.

– Отрепьева сюда везти?

– Да, здесь будет безопасно. Тут его искать не станут.

– О нападении Алене говорить?

– Не надо. Она сама наверняка почувствует беду. Таким, как Алена, это Богом дано.

– Все понял! – заявил Холодов.

– Пойди перекуси с Фадеем, а вечером за тобой зайдет Степан.

– Добро. Позволь удалиться?

– Ступай, Андрюша, и помни, что на тебе очень ответственная работа.

– Иной у меня и не было. – Холодов ушел.

Губанов повернулся к Харламову.

– Ну вот и начинаем. Кстати, Иван Дмитриевич, я в Новгороде сиднем не сидел, встречался с некоторыми польскими вельможами. Намекнул, что в Угличе погиб не Дмитрий Иванович, а другой мальчонка, сильно похожий на него. Поляки проявили немалый интерес. Начали расспрашивать, что да как. Больше всего их интересовало, где находится выживший Дмитрий и намерен ли он бороться за корону, принадлежащую ему по праву? В общем, поляков эта новость ой как взволновала.

– А что за вельможи-то?

– Имен называть не буду, сам понимаешь, по каким причинам, скажу лишь, что один из них имеет прямой доступ к Сигизмунду Третьему Вазе.

– Вот как? Это серьезно.

– Уверен, что сейчас паны в Кракове смакуют эту новость.

– Эх, Иван Петрович, не слишком ли опасную игру мы затеяли?

– А к власти, Иван Дмитриевич, легких путей не бывает. Здесь, как говорится, или пан, или пропал.

– Лучше уж пан.

– Я придерживаюсь той же точки зрения.

Вечером слуга Харламова провел Холодова в дом Дарьи Анисимовны Рыдановой, где тот познакомился с Аленой. Лицом она была очень хороша, а вот тело! Какой-то страшный недуг скрючил ее руки, иссушил ноги способности держать тело. Она сидела в самодельном кресле с колесами, с пояса до пола покрытая бордовой материей, довольно долго смотрела на Холодова, а потом спросила, зачем он пришел.

Андрюша сказал, что хотел бы поступить на службу к Федору Никитичу Романову, а для начала попасть на подворье.

Алена отрицательно покачала головой:

– Не за тем ты хочешь попасть на подворье, Андрей. Но зла в тебе нет. Ты замышляешь какое-то благородное дело, поэтому я согласна тебе помочь.

Утром Холодов покатил самодельную каталку к подворью Романовых. Он увидел, что стрельцов на подходе стало больше. Они стояли вокруг всего подворья, однако никого не останавливали, пропускали всех и туда и обратно. Не остановили и Андрюшу с Аленой.

Холодов вкатил каталку во двор, где ее подхватили женщины из прислуги.

По всему подворью было заметно приготовление к обороне. Городьба усилена частоколом, ворота укреплены. Много ратников. Вот только с оружием у них был недостаток. Сабли, бердыши, ножи, редко у кого пицаль или самопал. Но взгляды решительные, без страха.

Холодов отыскал Тетерю. Тот стоял у крыльца главного дома.

– Здорово, Яков!

- Ты? – удивился ратник Романовых.
- Я, Яша.
- Зачем пришел сюда? Известие какое-то принес?
- Ты помоги мне укрыться где-нибудь, чтобы никто меня не видел. Есть такое место?
- Моя комнатуха. Там укроешься. Туда никто не заходит.
- А в погребах?
- Тебе что надо, Андрюша, укрыться на время или забраться в погреба?
- Мне нужно быть там, откуда я мог бы выбраться и вывести отсюда одного человека, когда стрельцы полезут на подворье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.